

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Социологический факультет
Кафедра прикладной социологии

**Методические рекомендации к курсам
«Основы социолингвистики» и «Социолингвистика».**

Разработчик: доцент кафедры
прикладной социологии
Кравченко Н.Ю.

**Саратов
2011**

Данное методическое пособие предназначено для бакалавров, изучающих предмет «Основы социолингвистики» направления подготовки 040100– социология и студентов- специалистов, изучающих дисциплину «Социолингвистика» по специальности 040201 - «Социология».

Курсы «Основы социолингвистики» и «Социолингвистика» направлены на формирование у студентов прочных знаний о связи языка, культуры и общества, о языковой политике российского государства - ее выходе в речевую практику, социальной стратификации языка, о речевом общении в лингвистически и социально неоднородной среде. Пособие призвано помочь студентам исследовать теоретические основы закономерности языкового поведения человека в обществе, через анализ работ классиков зарубежной и отечественной социолингвистики. Методическое пособие также может быть полезно специалистам в таких областях, как социолингвистика, лингво-культурология, этнолингвистика.

Содержание.

1	Введение	4
2	Фрагмент текста Дж. Дж. Гамперца «Типы языковых обществ».	8
3	Вопросы к тексту. Дж. Дж. Гамперца «Типы языковых обществ».	27
4	Словарь терминов к тексту. Дж. Дж. Гамперца «Типы языковых обществ»	29
5	Фрагмент текста Дж. Дж. Гамперца «Об этнографическом аспекте языковых изменений»	31
6	Вопросы к тексту Дж. Дж. Гамперца «Об этнографическом аспекте языковых изменений».	52
7	Фрагмент текста Р.О. Шор «Язык и общество».	54
8	Вопросы к тексту Р.О. Шор «Язык и общество».	67
9	Словарь терминов к тексту Р.О. Шор «Язык и общество».	69
10	Список литературы.	71

Саратовский государственный университет имени Г. Чернышевского

Введение.

Методические рекомендации к курсу "социолингвистика" направлены на формирование у студентов прочных знаний о связи языка, культуры и общества, о языковой политике государства - ее выходе в речевую практику, социальной стратификации языка, о речевом общении в лингвистически и социально неоднородной среде. Большое внимание в пособии уделяется вопросам соотношения языка и общества как в диахроническом (историческом) аспекте, так и в современной практике.

Начиная с XVI века, ученые начали отмечать разнообразные функции языка. Испанский ученый Гонсало де Корреас выделял социальные разновидности языка, связанные с территорией проживания человека, возрастом, социальным статусом и материальным положением. Также он считал, что можно выделить язык горожан, сельских жителей, знатных господ и придворных, мужчин, женщин и детей. Соответственно, каждая социальная характеристика определяет особенности речевого поведения.

Термин «социолингвистика» впервые был употреблён в 1952 г., развитие социальноориентированных лингвистических исследований происходит в четырёх крупнейших центрах: Франция, Чехия, США и Россия.

Специфика американской социолингвистики в том, что она пытается апробировать теоретические выводы других школ и центров социолингвистики на практике с помощью методов социологического исследования. Две работы Дж. Гамперца, включенные в настоящее пособие, неоднородны по своим задачам, теоретическим установкам и методике анализа языкового материала. Они демонстрируют разные пути, по которым идет развитие социолингвистики США. Для одной из них, «Типы языковых обществ» отправным моментом исследования является сам язык. Изучению социально обусловленного распределения вариативности языковых форм уделяется основное внимание. Для Дж. Гамперца исходными теоретическими постулатами являются теория малых групп, теория социального взаимодействия и теория ролей, выдвинутые современной американской

социологией и социальной психологией. Для Гамперца язык или диалект существует не как единое монолитное целое, а как система взаимосвязанных подсистем, которые характеризуют как языковой код не только микросоциальные группы (например, друзей, родственников, сослуживцев, одноклассников и т. п.), но и отдельных личностей, выступающих в коммуникативной системе общества в определенной роли, например священника, учителя и т. п. Каждая роль характеризуется определенным речевым кодом или субкодом, который как бы предопределяет речевое поведение его носителя. В своей совокупности речевые роли, присущие данному обществу, составляют матрицу общения, свойственную общественному коллективу. Матрицы общения отдельных общественных коллективов могут не совпадать: например, употребление английского языка в Индии характерно для городских языковых коллективов, санскрита для индуистских общин и т. п. Описываемый подход к установлению социальной дифференциации в языке должен быть воспринят критически в общесоциологическом плане, так как он не учитывает многих существенных моментов, в частности классового расслоения общества. Однако как практический прием изучения дифференциации языковых явлений он, несомненно, заслуживает внимания.

Другое направление в социолингвистике США — его можно было бы назвать этнографическим — представлено в настоящем пособии также работой Дж. Гамперца «Об этноэграфическом аспекте языковых изменений». В работе исследуются языковые проблемы полиэтнического социума, общение разных этносов на основе двуязычия (билингвизма). При характеристике тех или иных форм речи — диалекта, языка или стиля — нельзя ограничиваться описанием естественных коммуникативных возможностей и формальных языковых признаков. Наряду с грамматикой, описывающей структуру языка, должна быть создана этнография речи.

В России исследования лингвистов были направлены на территориальную и социальную дифференциацию языка исследования

проводились такими крупными российскими учеными как В. М. Жирмунский, Б. А. Ларин, Е. Д. Поливанов. Особенно ценный вклад в науку был сделан Розалией Осиповной Шор, в своем труде «Язык и общество» она рассматривает как социальная дифференциация отражается в языковой дифференциации; описываются территориальные и социальные диалекты, включая тайные языки, и их соотношение с «общим языком»; обращается внимание, что таким образом в языке выражается классовое или групповое самосознание. Ставится вопрос об обусловленности изменений в языке изменениями в обществе - как экономическими, так и политическими. Исследование проводилось в прошлом веке, но данная проблематика не потеряла значения и в наше время.

Курс «социолингвистика» направлен на формирование у студентов прочных знаний о связи языка, культуры и общества, о языковой политике российского государства - ее выходе в речевую практику, социальной стратификации языка, о речевом общении в лингвистически и социально неоднородной среде. Большое внимание в пособии уделяется вопросам соотношения языка и культуры как в диахроническом (историческом) аспекте, так и в современной практике. Методическое пособие рассчитано на широкий круг специалистов в таких областях, как социолингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика.

Фрагмент текста Дж. Дж. Гамперца «Типы языковых обществ» [1].

Сравнению языкового и социального поведения мешало то обстоятельство, что в основе лингвистических и антропологических исследований редко лежали сравнимые наборы фактов. Описание антрополога относится к определенному обществу, в то время как единственным предметом лингвистического анализа является отдельный язык или диалект - множество словесных знаков, извлеченных из целостного процесса коммуникации, на основе некоторых структурных и генетических сходств. Конечно, исследования отдельных языков могут значительно различаться по своим масштабам. Они могут касаться речи небольшой артели охотников и промысловиков, диалекта одной деревни или литературного языка, на котором говорит несколько сотен миллионов человек. Но в целом, отбирая данные для анализа, лингвисты придают большее значение генетическим отношениям и структурной однородности, чем социальному окружению. Мы представляем себе английский язык как отдельное целое, хотя самая обычная выборка может включать тексты, взятые из английской деревни, американского города, Австралии или даже бывшего колониального района Азии или Африки.

Процесс лингвистического анализа ориентирован, далее, на открытие единообразных, структурно однородных целых (Хаймс 1962). Стилистические варианты, заимствования и т.п. из грамматик не исключаются, но традиционная техника опроса информантов не предназначена для установления их истинного масштаба (Фёгелин 1960, 65), и обычно их стремятся подвести под категорию свободного варьирования. Результатом таких процедур является выбор одной разновидности (Фергюсон и Гамперц 1960, 3) из комплекса разновидностей, которые характеризуют обычное речевое поведение. Затем эта единственная разновидность рассматривается как образец всего языка или диалекта.

Такие структурные абстракции адекватны до тех пор, пока наш интерес ограничен языковыми универсалиями или типологией и сравнительно-

исторической реконструкцией. Они революционизировали нашу теорию грамматики, а в области языка и культуры показали несостоятельность прежних наивных представлений, которые ставили знак равенства между примитивностью материальной культуры и простотой языковой структуры. Но когда мы переходим от изучения языка как особого явления к анализу речевого поведения в рамках того или иного общества, обычно оказывается необходимой более подробная информация. Поэтому такие, например, взгляды, как взгляды Линтона, который утверждает, что "между сложностью языка данного народа и сложностью какого-либо другого аспекта его поведения нет, по-видимому, никакой корреляции" (Линтон 1936, 81) верны лишь в той мере, в какой они относятся к внутренней структуре данной разновидности языка. Слова Линтона не следует толковать, как это иногда делается, в том смысле, что невозможно провести различие между речевыми навыками простых племенных групп и сложных городских обществ. Европейские лингвисты Пражской школы и некоторые представители американской антропологической лингвистики показали, что существование кодифицированных стандартизированных языков, отличных от повседневной непринужденной речи (casual speech) - "главный языковой принцип городской культуры" (Гарвин и Матьо 1960, 283).

Тема внутриязыкового варьирования, которая игнорировалась в раннюю эпоху дескриптивной лингвистики, в последние годы вновь привлекает к себе внимание (Сибек 1960). Многие ученые призывают пересмотреть прежнюю гипотезу "монолитности языковой структуры". В противовес этому они рассматривают языковое общение внутри речевого коллектива в терминах "системы взаимосвязанных подсистем" (Якобсон 1960, 352). Если принять этот взгляд, можно предположить, что сложность языка того или иного общества не является отражением внутренней организации какой-то одной однородной системы, но может быть понята в терминах отношений между несколькими количественно отличающимися друг от друга системами. Аналогичные взгляды представлены в некоторых

антропологических работах последних лет, посвященных "промежуточным обществам" (Кон и Марриотт 1958, 1; Касагранде 1959, 1). Чтобы адекватно рассмотреть такие языковые и социальные системы, необходимо поставить в центр лингвистического исследования не простой дескриптивный анализ, а анализ сравнительный или противопоставительный.

Хотя сравнительный анализ может быть синхроническим или диахроническим, ученые, интересовавшиеся отношением языка к социальному окружению, до сих пор ограничивались преимущественно диахроническим сравнением. Наибольшее число сторонников завоевала точка зрения Сэпира (Сэпир 1951, 89), который был склонен преуменьшать роль социального окружения и считал внутренние тенденции ("drift") главным фактором, определяющим структурные особенности языка. Эта точка зрения оказала значительное влияние и на синхронические исследования, как об этом свидетельствует статья Триандиса и Осгуда о применении техники семантического дифференциала для изучения взаимодействия между разными культурами: "Греческий принадлежит к подгруппе индоевропейской семьи языков, совершенно отличной от других ее подгрупп. Таким образом, результаты данного исследования подтверждают предположение, что во всех индоевропейских языках будет обнаружена, в общем, одна и та же семантическая структура" (Триандис и Осгуд 1958, 192). Лингвисты и антропологи никогда не разделяли до конца взглядов Сэпира на языковое изменение. Работы Боаса и европейских лингвистов, связанные с явлениями языкового союза (Sprachbund), давно обнаружили ограниченность генетического подхода (Хаймс 1961, 23). В последние годы исследования Вайнрайха, посвященные структурным заимствованиям в Швейцарии и идишговорящих районах Восточной Европы, еще раз подчеркнули важность социального окружения (Вайнрайх 1952, 360; Вайнрайх 1953). Ареальный подход к языковым изменениям был затем развит Эмено (Эмено 1956, 3; Эмено 1962) в серии тщательно документированных работ. В качестве отправной точки Эмено рассматривает

южноазиатский культурный ареал, который он трактует как "единый в языковом отношении". Он указывает на существование многочисленных структурных параллелей среди языков индоарийского, дравидийского и мунда происхождения в Центральной Индии, а также на параллели между дравидийским брахуи и окружающими его индоарийской и индоиранской языковыми группами на северо-западе. Аналогичные межъязыковые влияния, охватывающие целый ареал, были отмечены в индейской языковой области Калифорнии - том самом ареале, из которого Сэпир заимствует наиболее разительные примеры отсутствия связи между языком и социальным окружением. Катерина Каллахан (Каллахан 1961) показала существование серии глоттализированных взрывных в озерном миуок, которые, по всей видимости, являются заимствованиями из окружающих индейских языков. Уильям Шипли (Шипли 1960) приводит поразительные примеры различий между структурами предложений северного и южного майду, которые тоже наводят на мысль о влиянии окружения.

Однако все упомянутые выше исследования в области ареальной лингвистики имеют историческую ориентацию и представляют больший интерес для ученых, занимающихся историей культуры, чем для антропологов. Понятие структурного заимствования описывает конечный результат процесса изменения, но не раскрывает динамики этого процесса. Более интересными для ученых, занимающихся функциональным анализом, могут оказаться синхронические корреляты структурного заимствования - вариативность речи и переключение кода на уровне диалекта, стиля или языка. Однако при изучении таких явлений отправной точкой должно служить определенное общество, а не язык или другое подобное ему явление (Гамперц 1951, 94).

В своей статье "Этнография речи" (Хаймс 1962) Хаймс дает обзор литературы по вопросам речевого поведения и показывает ее отношение к более традиционным типам лингвистических и антропологических изысканий. Он требует иного подхода к "дескриптивному анализу речи" и

высказывает мысль, что "речевая деятельность общества должна быть главным объектом внимания". В данной работе мы попытаемся пойти именно по этому пути.

Языковое распределение внутри социального или географического ареала обычно описывается в терминах языковых обществ (коллективов) (Блумфилд 1933, 42). Можно найти немало случаев, когда при определении таких обществ используются внеязыковые критерии. Фрингс и его группа немецких диалектологов заимствовали из географии приемы установления границ культурных областей на основе торговых и транспортных отношений, распределения предметов материальной культуры и т.п. и использовали эти области в качестве фокуса при изучении языкового распределения (Гамперц 1961а). Американские лингвисты имели дело с небольшими группами в городах (Путнам и О'Херн 1955), а монументальная работа Эйнара Хаугена "Норвежский язык в Америке" является примером исчерпывающего исследования языка одной группы иммигрантов (Хауген 1953). Однако во всех этих работах принимается, что границы языкового общества совпадают с границами отдельного языка и его диалектов и стилей. О двуязычных людях говорят, что они "являются мостиком, соединяющим языковые общества" (Хоккет 1958). Некоторые авторы идут настолько далеко, что уподобляют их "маргинальному человеку" в социологии (Соффьетти 1955).

Априори нет никаких причин, которые вынуждали бы нас определять языковое общество как такое, все члены которого говорят на одном и том же языке. Общее дву- или многоязычие является скорее правилом, чем исключением, в очень большом числе обществ, включая русскую городскую элиту XIX столетия, правящие группы многих современных азиатских и африканских народов, упомянутые выше группы американских иммигрантов и многие другие. Между прочим, Вайнрайх, описывая носителей языка идиш в Восточной Европе, говорит даже о "двуязычных языковых обществах" (Вайнрайх 1953). Кроме того, с точки зрения социальной функции различие

между двуязычием и двухдиалектностью часто не является принципиальным (Гамперц 1961а, Мартине 1954, 1).

В связи с этим в данной работе термин "языковое общество" будет использоваться подобно термину Эмено "языковой ареал". Мы определим его как социальную группу, одноязычную или многоязычную, единство которой поддерживается частотой различных типов социального взаимодействия и которая отграничена от окружающих областей слабостью своих связей с ними. В зависимости от уровня абстракции, которого мы хотим достичь, языковые общества могут состоять из небольших групп, члены которых связаны личными контактами, или распространяться на значительные территории.

Социальное общение внутри языкового общества может рассматриваться в терминах функциональных ролей: по Наделю (Надель 1957, 31 и сл.), функциональная роль - это "образ действий, предписанный индивиду внутри общества". Подход Наделя к анализу ролей сформулирован на понятном для лингвиста языке. По мнению Наделя, каждая роль характеризуется некоторыми доступными для восприятия "атрибутами", состоящими из "диакритик", которые проявляются в таких типах ролевого поведения, как платье, этикет, жесты и предположительно речевое поведение; с другой стороны, она характеризуется названиями ролей типа священник, отец, учитель, в которых содержится предварительная информация о характере ожидаемого речевого поведения. Та или иная диакритика считается периферийной, если ее присутствие или отсутствие не меняет восприятия роли носителем языка, и существенной, если восприятие роли меняется. Далее Надель утверждает, что ролевое поведение меняется в зависимости от "внутренней обстановки действия" ("inter-actional setting"), - термин, по-видимому, соответствующий лингвистическому понятию "контекста ситуации" (Фирт 1957, 32), или "окружения".

Совокупность свойственных данному обществу ролей может быть названа его "матрицей общения". До сих пор не существует никаких

общепринятых процедур выделения индивидуальных ролей, хотя во многих работах последних лет были отмечены корреляции между использованием языка, или стилем, и соответствующим ему поведением (Фишер 1958, 47; Чоудари 1960, 64; Фергюсон 1959, 2). Для наших целей достаточно будет выделить только те роли или пучки ролей, с которыми связаны существенные речевые различия. Мы, таким образом, предполагаем, что каждая роль имеет в качестве языковой диакритики некий код или субкод, который является нормой ролевого поведения. Мы говорим о "кодовой матрице" как множестве кодов и субкодов, функционально связанных с матрицей общения.

Характер компонентов кодовой матрицы у разных обществ различен. В некоторых обществах все компоненты суть диалекты или стили одного и того же языка. О них мы будем говорить как о субкодах. В других обществах матрица общения включает также генетически различные языки, и в этом случае мы будем использовать термин "коды". Однако различие между кодом и субкодом является по преимуществу лингвистическим; оно не обязательно соответствует различию в социальной функции. Крестьянин Южной Франции использует патуа при общении с членами своей семьи и соседями, но переходит на областной вариант французского языка, разговаривая с посторонними. В Бретани бретонский используется в домашнем кругу, а общение с посторонними поддерживается при помощи другого областного варианта французского языка. И бретонский язык и патуа используются в приблизительно одинаковых ситуациях и имеют аналогичные социальные функции в крестьянской среде.

Вопрос о том, включать ли данный код в исследование данного языкового общества, решается положительно, если противоположное решение приводит к разрыву матрицы общения. Английский язык составляет важную часть матрицы общения городской Индии, но может быть опущен при этнографическом описании какого-нибудь отдаленного племенного общества. Аналогичным образом санскрит оказывается существенным, если

речь идет об индуистских общинах в Индии, и несущественным, если речь идет о мусульманских группах. Таким образом, различие между единообразием и разнообразием диалектов или между одноязычием и двуязычием становится менее важным, чем различие между индивидуальным и общественным.

Субкоды одного и того же языка в рамках кодовой матрицы тоже обнаруживают несколько степеней языковых различий. В языковом отношении местные диалекты могут отличаться или быть очень сходными с официальными формами речи. То же справедливо и относительно стилей. Недавно Фергюсон указал некоторые важные языковые различия между официальными и неофициальными средствами общения ряда городских обществ (Фергюсон 1959, 2). Мы будем использовать принадлежащий Вайнрайху (Вайнрайх 1952) термин "языковое расстояние" для обозначения совокупности фонологических, грамматических и словарных различий внутри кодовой матрицы, как они предстают в сопоставительном исследовании.

Общества различаются также способом объединения ролей в пучки в рамках матрицы общения. В сельских районах Индии роль религиозного проповедника тесно связывается с ролью социального реформатора, а в американском обществе естественно считать эти две роли совершенно различными (Гамперц 1961б). Другая характерная черта некоторых обществ - это различие между поведением в домашнем кругу или среди равных и поведением по отношению к посторонним. В Южной Азии это различие в ролях соответствует резкому различию между местными диалектами и официальными формами речи. Санкции против смешения двух типов поведения были в течение большого времени настолько строгими, что некоторые индийцы испытывают почти непреодолимое отвращение к записи непринужденной речи. Может быть, такие социально предписанные различия в ролевом поведении являются главным фактором, благодаря которому сохраняются местные диалекты. Мы будем использовать термин

"выделимость роли" для обозначения той степени обособленности ролевого поведения, которая поддерживается в данном обществе.

Анализ языковых обществ в разных частях мира открывает определенную зависимость между общими признаками кодовой матрицы и некоторыми чертами социальной структуры. Такие связи часто отмечались и раньше (Гринберг 1956, 109). Так, европейские диалектологи XIX века показали связь между политическими и т.п. границами прошлого и нынешними диалектными изоглоссами (Гамперц 1961a). Другие диалектологи указали на контраст между относительной однородностью речи в таких недавно заселенных областях, как американский Запад, и ее разнообразием в районах более раннего заселения на Восточном берегу континента. Предполагается, что причиной этой однородности являются процессы изменения, к которым приводит миграция масс различного происхождения в условиях, благоприятствующих текучести ролей и положений. Этот вывод подтверждается нашим опытом изучения языка поселений иммигрантов в Соединенных Штатах. Язык таких поселений обнаруживает тенденцию к сохранению до тех пор, пока их жители образуют особую социальную группу, как это имеет место в некоторых сельских поселениях, но утрачивается, когда поселенцы вливаются в городское общество.

Мы уже ссылались на работы лингвистов Пражской школы и Гарвина, касающиеся связи между городскими обществами и стандартными языками (Гарвин и Матьо 1960, 283). Гарвин и Матьо определяют стандартный язык как "кодифицированную форму языка, принятую весьма широким кругом его носителей и служащую им в качестве образца". Они перечисляют ряд признаков, характерных для стандартного языка. Особый интерес представляют два из них - кодификация и языковая лояльность. Кодификация состоит в том, что правила произношения и грамматики излагаются в явном виде (т.е. в форме нормативных грамматик и словарей), а языковая лояльность - понятие, введенное Вайнрайхом (Вайнрайх 1953, 106),

- это особое отношение к языку, которое создает ему престиж и заставляет его носителей защищать его "чистоту" от "искажений" в произношении и "иностранных" заимствований.

Эти и им подобные наблюдения над отношением между особенностями речи и социальным окружением касаются только отдельных случаев. Более общие формулировки станут возможны в результате применения таких понятий, как кодовая матрица, выделяемость роли, языковое расстояние и языковая лояльность, к исследованию языковых обществ разной степени социальной сложности. Такие классификации могут продемонстрировать в первом приближении соответствия между особенностями речи и социальными группами, известными в современной социологии под названием артелей, крупных племенных объединений и современных городских обществ. Формулировки такого рода будут по необходимости носить очень предварительный характер, особенно в связи с тем, что сами социологи не достигли, по-видимому, согласия по вопросу о теоретических основах различения простых и сложных обществ (Шнейдер 1961) и поскольку надежных сопоставительных данных о речевом поведении по разным обществам не существует. Мы предлагаем эти формулировки в надежде, что они могут стимулировать дальнейшие исследования.

Мы начнем с наименее сложных обществ, представляющих собой небольшие артели охотников и промысловиков, которые мы находим, например, среди американских индейцев Большого бассейна. Социальные контакты в таких группах ограничены личным общением, группы характеризуются минимумом социальной стратификации и относительно редкими контактами с посторонними. Тем не менее, их речь не совсем единообразна; заметные различия наблюдаются между тем, что было названо непринужденной повседневной речью, и более строгими стилями, используемыми в пении, пересказе мифов и сказаний и в аналогичных, связанных с определенными ритуалами ситуациях. В таких обществах бывают примеры, когда ритуальные формулы содержат слова, предложения или

песни на языке, непонятных для самих членов этого общества. В целом, однако, языковое расстояние между непринужденной речью и более строгим стилем относительно невелико, и строгим стилем владеют, по-видимому, не только представители одной определенной группы (Хаймс 1958, 253; Егерленер 1958, 264; Фёгелин 1960, 57 и сл.).

Мы обнаруживаем несколько больше разнообразия в более крупных и экономически более развитых племенных объединениях, которые поддерживают торговые отношения с внешним миром, даже не будучи связанными в единое общество. В той мере, в какой специализируется ритуальная деятельность, требующая использования старого стиля, эти стили закрепляются в таких обществах за особыми группами. Торговля с другими племенами, говорящими на других языках, требует двуязычия, но только обращение к этим языкам ограничивается всего несколькими ролями. Во многих обществах торговые отношения лимитированы, не касаются важных предметов и окружены ритуалом, целью которого является предотвращение чересчур тесных контактов торговца с племенем. По мере расширения объема торговли и возникновения специальных групп торговцев тот или иной племенной язык может распространиться в качестве торгового языка на большие пространства, как это произошло с языком хауса в Африке. Формы языка, используемые в ситуации торговли, обнаруживают тенденцию к обособлению от форм, используемых внутри племени. Они отличаются от стандартных языков тем, что, как правило, не кодифицированы и лишены особого престижа за рамками торговой ситуации. Так называемый пиджин или смешанные языки редко встречаются в чисто племенных обществах, а являются результатом контакта между экономически развитым обществом и племенной группой или группами.

Племенные общества могут быть связаны с другими обществами не только торговыми отношениями, но и смешанными браками или религиозным ритуалом. Есть факты, свидетельствующие о том, что в таких ситуациях дву- и многоязычия существует гораздо чаще, чем можно судить

по материалам большинства лингвистических и этнографических исследований. Такое двуязычие, однако, редко распространяется на все общество. Внутри данного объединения говорят только на племенном языке. У некоторых племен американских индейцев (юрюк, карок и хупа), живущий в одной и той же местности и поддерживающих регулярные контакты друг с другом, это доведено до такой крайней степени, что каждое племя пользуется собственным обозначением для одного и того же объекта ландшафта. По-видимому, племенной язык является символом принадлежности к одному обществу, хотя он и не обладает формальными признаками стандартного языка. Мы можем сказать, что в таких племенах языковая лояльность практикуется по отношению к племенному языку, хотя матрица общения может включать в себя и некоторые торговые языки.

По-видимому, всеобщее двуязычие, стратификация речи или широкое стилистическое варьирование могут возникнуть лишь тогда, когда расширение экономической базы общества делает возможной экономическую стратификацию. Один из обычных типов варьирования, отмеченный в обществах, которые, несмотря на относительно высокий уровень развития, все же сохраняют кое-какие признаки племени, - это различие между "высоким" и "низким" языковым стилем (Гарвин и Ризенберг 1952, 201; Уленбек 1950). Характерная черта таких обществ - существование правящей группы, в которую входят победители-пришельцы, отделенные от остальной части населения значительным социальным расстоянием. Высокий и низкий стили часто отличаются друг от друга в области словаря, морфологии и алломорфологии, но не в области фонологии. Они также пользуются разными источниками при заимствовании: высокий стиль яванского заимствует из индоарийских языков, в то время как высокий стиль балийского, по некоторым сведениям, - из яванского. Независимо от их различий высокий и низкий стили рассматриваются носителями как части одного и того же языка.

Вариативность достигает максимума в типичных промежуточных обществах, для которых характерно существование крестьянской, пастушеской или даже племенной прослойки, находящихся на разных ступенях интеграции в социально господствующим группам. Социальные системы в этих обществах обнаруживают высокую степень социальной стратификации и профессиональной специализации. Социальное поведение характеризуется выделенностью ролей, так что индивиды поступают по-разному в разных ситуациях. Эти различия усиливаются скрупулезно разработанным ритуалом и условностями поведения (то есть этикетом), а также различиями в одежде, гастрономических привычках и тому подобном. Наиболее ярким примером этого является индийское кастовое общество, которое производит впечатление множества отдельных групп, живущих бок о бок и вступающих в общение друг с другом в ограниченном числе ситуаций, составляющих лишь часть их глобальной деятельности. Менее сложные промежуточные общества отличаются от него не по существу, а только по степени сложности. Кодовая матрица в таких обществах может включать широкий диапазон языковых различий - от чисто лексических и фонетических несоответствий до значительных расхождений в структурах. Интересно свойственное им явление речевой маски типа "пороссячьей латыни" ("Pig Latin"). Этот тип маски, делающий субкоды взаимно непонятными, тем не менее поддается описанию в терминах относительно простых трансформационных правил (Хомский и Халле 1967).

При обсуждении распределения форм речи в этих обществах мы будем различать исконную форму языка, усваиваемую в домашнем кругу, и арго, или специальные разновидности речи, усваиваемые в более зрелом возрасте и используемые только в строго определенных ситуациях (Гамперц 1961а, 12). Наибольшее географическое разнообразие форм речи свойственно языкам сельского населения. Это разнообразие может принимать форму диалектов одного языка или генетически неродственных языков. В обоих случаях социальные функции этих средств аналогичны: они служат для

внутреннего пользования и сосуществуют с официальными кодами, к которым обращаются при общении с посторонними. В средневековой Европе, например, мы обнаруживаем островки кельтской речи в альпийский районах, вкрапленные в романскую и германскую диалектные области. На востоке Европы славянские языки перемежаются с германскими диалектами, а на юго-западе баскский соседствует с романскими. Аналогичным образом в Индии в глубине индоарийской территории можно обнаружить северодравидийские племенные языки и сунда языки типа корку.

Арго, или специальные разновидности речи, распадаются на несколько типов. Арго первого типа, которые можно назвать субрегиональными или региональными диалектами, служат в качестве средства торгового и межгруппового общения. Они напоминают торговые языки племенных ареалов в том отношении, что мало кодифицированы и лишены сколько-нибудь значительного престижа. Языковое расстояние между этими кодами и местными формами речи может быть невелико, если и те и другие суть диалекты одного и того же языка. Если же местное население говорит на генетически отличном языке, то жители, чьи занятия требуют контакта с внешним миром, обнаруживают тенденцию к двуязычию.

Второй тип арго - это арго, используемые некоторыми социальными и профессиональными группами для соответствующих специальных целей. Сюда можно отнести специальные языки бродячих торговцев, воровские жаргоны, литературные и декламационные стили народных сказителей. Их социальная функция состоит, по-видимому, в том, чтобы поддерживать групповую исключительность. Их оберегают и хранят от посторонних приблизительно так, как цехи ремесленников хранили секреты своего ремесла. Коды этого типа могут от случая к случаю быть письменными; можно считать, что они обнаруживают кодификацию в той мере, в какой правильное произношение и грамматика являются средством идентификации членов данной группы, однако их престиж, как правило, ограничен.

К третьей категории относятся церковные и административные коды, которые распространены на более обширных и в географическом и в социальном отношении территориях, чем аргю предыдущего типа. Так, в средневековой Европе латынь использовалась и как административный, и как церковный язык в германском, романском и [частично] славянском языковых ареалах. Санскрит и персидский выполняли аналогичные функции в средневековой Индии. Эти коды служат в качестве языка особых административных и духовных классов, но не обязательно используются представителями господствующей группы в повседневной речи. Некоторые их черты роднят их с профессиональными кодами, поскольку они предназначены для поддержания групповой исключительности; они характеризуются крайней степенью кодификации, которая проявляется в необходимости больших затрат времени для изучения грамматики и риторики и, конечно, в существовании соответствующих школ, в свою очередь предполагающих существование ученых-филологов. Когда административный и церковный коды различаются, церковный код получает более высокий престиж. Таким образом, промежуточные общества в противоположность племенным склонны проявлять языковую лояльность по отношению к кодам, которые могут быть в корне отличны от исконного языка.

Глубокие различия и большое языковое расстояние между административным и церковным кодами, с одной стороны, и другими кодами кодовой матрицы - с другой, могут сохраняться только до тех пор, пока власть остается в руках небольшой правящей верхушки (Гавранек 1936, 151). По мере того как все более широкие слои населения вовлекаются в общенациональную жизнь и становятся активными, прежний административный код может быть заменен кодом, построенным на основе местного материала. Новые административные субкоды, характерные для этого типа общества, как правило, не во всем совпадают с разговорным языком социально активных городских групп; во многих случаях между

ними может сохраняться значительное языковое расстояние (Фергюсон 1959). В целом, однако, тенденция развития такова, что кодовая матрица становится все менее и менее разнообразной по мере того, как местное население вовлекается в господствующие группы, или, по выражению Дейча, "активные" группы (Дейч 1953), а выделимость ролей уменьшается.

Языковые расстояния внутри кодовой матрицы минимальны в некоторых высокоурбанизированных обществах, подобных тем, которые мы находим в части современной Европы и в Соединенных Штатах. В этих обществах различие между стандартным языком и местными диалектами почти полностью утратилось. Оно отражается только в форме региональных норм типа тех, которые сложились на американском Среднем Западе, Юго-Западе или Западе. Некоторые социальные речевые различия сохраняются. В дополнение к этому имеются четко различимые субкоды официального и неофициального стиля, а также технические и научные языки. Однако в противоположность картине, которую мы обнаруживаем в промежуточных обществах, большие языковые расстояния между этими формами характерны только для синтаксического и лексического уровней. Редко можно найти два или три разных набора вариантов окончаний или функциональных слов, что характерно для стилистических различий в некоторых азиатских языках. Значительная часть различий, которые все еще встречаются, оправдывается особыми требованиями, которым должна удовлетворять специальная терминология. Создается даже впечатление, что неглубокие языковые различия стилей являются прямым коррелятом неустойчивости ролей, связанных с различием между кастой и классом. В этих обществах языковая лояльность проявляется по отношению к стандартному языку, который теперь хорошо отражает речь большинства.

Литература.

Блумфилд 1933: L. Bloomfield. *Language*. New York, 1933.

Вайнрайх 1952: U. Weinreich. Sabesdiker Losn in Yiddish: a problem of linguistic affinity. "Word", 8, 360.

Вайнрайх 1953: U. Weinreich. Languages in contact. New York, 1953.
Гавранек 1936: B. Havranek. Zum Problem Norm in der heutigen Sprachwissenschaft und Sprachkultur. "International congress of linguists, 4th", Actes..., Copenhagen, 1936, 151-157.

Гамперц 1961а: J.J. Gumperz. Speech variations and the study of Indian civilization. AA, 1961, 63, 976-988.

Гамперц 1961б: J.J. Gumperz. Religion and social communication in village North India. Typescript of talk presented to Seminar on Hinduism, August 1961, University of California, Berkeley.

Гамперц и Наим 1960: J.J. Gumperz and C.M. Naim. Formal and informal standarts in the Hindi regional language area. In C.A. Ferguson and J.J. Gumperz, eds., Linguistic diversity in South Asia. Indiana University, 1960.

Гарвин и Матьо 1960: P. Garvin and M. Mathiot. The urbanization of the Guarani language - a problem in language and culture. In "Man in culture". Philadelphia, 1960, 783-790.

Гарвин и Ризенберг 1952: P. Garvin and S.H. Riesenberg. Respect behaviour on Ponape. AA, 1952, 54, 201-220.

Гринберг 1956: J. Greenberg. The measurement of linguistic diversity. Lg, 1956, 32, 109-115.

Дейч 1953: Nationalism and social communication. New York and Cambridge, Mass., 1953.

Егенленер 1958: J. Yegerlehner. Structure of Arizona Tewa words, spoken and sung. IJAL, 1958, 24, 264-267.

Каллахан 1961: C. Callahan. Phonemic borrowing in Lake Miwok. 17 pp. typescript.

Касагранде 1959: J.B. Casagrande. Some observations on the study of intermediate societies. In "Intermediate societies, social mobility and social communication. Proceedings of the 1959 annual spring meeting of the American ethnological society", 1-10.

Кон и Марриот 1958: B.S. Cohn and McKim Marriott. Networks and centers in

- the integration of Indian civilization. "Journal of social research", Ranchi Bihar, 1958, 1.
- Линтон 1936: R. Linton. The study of man. New York, 1936.
- Мартине 1954: A. Martinet. Dialect. "Romance philology", 1954, 8, 1.
- Надель 1957: S.F. Nadel. The theory of social structure. London, 1957.
- Путнам и О'Херн 1955: G.N. Putnam and E.M. Hern. The status significance of an isolated urban dialect. Lg, 1955, 31, Supplement.
- Сибеек 1960: Th.A. Sebeok. Style in language. New York, 1960.
- Соффьетти 1955: J.P. Soffietti. Bilingualism and Biculturalism. "Journal of education psychology", 1955, 46, 222.
- Сэпир 1951: E. Sapir. Language and environment. In: "Selected writings of Edward Sapir". David Mandelbaum ed., Berkeley, 1951, 9-103.
- Триандис и Осгуд 1958: H.C. Triandis and C.E. Osgood. A comparative factorial analysis of semantic structures in monolingual Greek and American college students. "Journal of abnormal and social psychology", 1958, LVII, 187.
- Уленбек 1950: E.M. Uhlenbeck. De Tegenstelling Krama: Ngoko, Haar Positie in het Javaanse Taalsystem. Djakarta, 1950.
- Фёгелин 1960: C.F. Voegelin. Casual and non-casual utterances within unified structure. In: "Style in language", Th.A. Sebeok, ed., New York, 1960, 57-68.
- Фургюсон 1959: C.A. Ferguson. Diglossia. "Word", 1959, 15, 2.
- Фергюсон и Гамперц 1960: C.A. Ferguson and J.J. Gumperz, eds. Linguistic diversity in South Asia, op. cit.
- Фирт 1957: J.R. Firth. A synopsis of linguistic theory, 1930-1955. In "Studies in linguistic analysis" (Special volume of the Philological society), 1957, 1-32.
- Фишер 1958: J.L. Fischer. Social influences on the choice of a linguistic variant. "Word", 14, 47-61.
- Хаймс 1958: D.H. Hymes. Linguistic features peculiar to Chinookian myths. IJAL, 1958, 24, 253-257.
- Хаймс 1961: D.H. Hymes. Alfred Louis Kroeber. Lg, 1961, 37, 1-28.

Хаймс 1962: D.H. Hymes. The ethnography of speaking. In "Anthropology and human behaviour", T. Gladwin and W.M.C. Sturtevant. eds., Washington, 1962.

Хауген 1953: E. Haugen. The Norwegian language in America. Philadelphia, 1953.

Хоккет 1958: C.F. Hockett. A course in modern linguistics. New York, 1958.

Хомский и Халле 1967: N. Chomsky and M. Halle. The sound pattern of English. New York, 1967.

Чоудари 1960: M. Chowdhury. The language problem in East Pakistan. In "Linguistic diversity in South Asia", op. cit.

Шипли 1961: W. Shipley. Maidu and Nisenan: a binary survey. IJAL, 27, 46-51.

Шнейдер 1961: D.M. Schneider. Comments on studies of complex societies. "Current Anthropology", 1961, 2, 215.

Эмено 1956: M.V. Emeneau. India as a linguistic area. Lg, 1956, 32, 3-16.

Эмено 1962: M.V. Emeneau. Brahui and Dravidian comparative grammar. Berkeley, 1962.

Якобсон 1960: R. Jakobson. Linguistics and poetics. In: "Style in language", op. cit., 350-377.

Вопросы к тексту. Дж. Дж. Гамперца «Типы языковых обществ».

1. Что является предметом лингвистического анализа?
2. В чем заключается процесс лингвистического анализа? (Какие этапы необходимо пройти)
3. Какая дополнительная информация необходима для изучения языка как особого явления?
4. В чем состоит различие системы взаимосвязанных подсистем и языковой структуры?
5. Что является главным фактором, определяющим структурные особенности языка: социальное окружение или внутренние тенденции?
6. Почему для ученых, занимающихся функциональным анализом более интересно изучение синхронических коррелят структурного заимствования, т.е. вариативность речи, а не структурного заимствования?
7. Что, по мнению Хаймса, должно быть главным объектом внимания при дескриптивном анализе речи?
8. Что общего в работах Фрингса, Путнама и Хаугена, направленных на определение языковых сообществ?
9. Можем ли мы определить языковое общество как такое, все члены которого говорят на одном и том же языке?
10. Что, по мнению Гамперца, мы будем понимать под термином языковое сообщество или языковой ареал?
11. Какой термин употребляет Надель при рассмотрении социального общения внутри языкового общества?
12. В чем состоит разница между матрицей общения и кодовой матрицей?
13. Как различаются компоненты кодовой матрицы у разных обществ?
14. Что является критерием при принятии решения о включении того или иного кода в исследование данного языкового общества?

15. Различаются ли субкоды одного и того же языка в рамках кодовой матрицы?

16. Какой термин употребляется для обозначения степени обособленности ролевого поведения, которая поддерживается в данном обществе?

17. Существует ли зависимость между общими признаками кодовой матрицы и некоторыми чертами социальной структуры?

18. Какие два признака характерны для стандартного языка, в определении Гарвина и Матьо?

19. Какие понятия и термины должны употребляться, чтобы продемонстрировать соответствия между особенностями речи и социальными группами?

20. Как можно охарактеризовать артели охотников и промысловиков (индейцы Большого бассейна)?

21. Что нового появляется в описании более крупных и экономически более развитых племенных объединений по сравнению с небольшими артелями охотников?

22. Какие отличия обнаруживаются в племенах, связанных не только торговыми связями, но и узами брака или религиозным ритуалом?

23. Какую характерную черту можно выделить, говоря об обществах с относительно высоким уровнем развития, но сохраняющих признаки племени?

24. Какие особенности можно выделить, описывая так называемые промежуточные общества?

25. Что необходимо различать, говоря о распределении форм речи в промежуточных обществах?

26. На какие типы подразделяется арго? Что входит в первый тип?

27. Что относится ко второму типу арго?

28. Что можно отнести к третьему типу арго?

29. В чем состоит тенденция развития кодовой матрицы?

Словарь терминов к тексту. Дж. Дж. Гамперца «Типы языковых обществ»

Дескриптивная лингвистика (от позднелат. *descriptivus* – описательный), одно из направлений лингвистического структурализма, господствовавшее в американском языкознании в 30–50-е гг. XX в. У истоков Д. л. стоят американские лингвисты Л. Блумфилд и Э. Сепир, выступившие с пересмотром идей младограмматической доктрины. Одно течение Д. л., связанное с именем Блумфилда (работы Дж. Трейгера, Б. Блока, Г. Л. Смита младшего, З. Харриса, Ч. Хоккета и др.), другое с именем Сепира (работы К. Л. Пайка, Ю. Найда, Ч. Фриза и др.), расходясь по характеру исследовательских интересов и отчасти по теоретическим установкам, сближаются в области методики лингвистических исследований. Ограничение проблемами синхронного лингвистического исследования вызвано языковой практикой (обучение языку) и спецификой материала языков североамериканских индейцев.

Диакритика (диакритический знак) (от греч. *διακριτικός* – служащий для различения) – подстрочный, надстрочный, реже внутрисклонный знак, применяющийся гл. обр. в буквенных и отчасти слоговых типах письма для изменения или уточнения значения отд. знаков.

(от греч. *ίσος* – равный и *ῥῶσση* – речь, язык) – линия на лингвистической карте, обозначающая границы распространения какого-либо языкового явления.

Коммуникативная ситуация – это ситуация речевого общения двух и более людей. Коммуникативная ситуация имеет определенную структуру. Она состоит из следующих компонентов:

1) говорящий (адресант); 2) слушающий (адресат); 3) отношения между говорящим и слушающим и связанная с этим 4) тональность общения (официальная – нейтральная – дружеская); 5) цель; 6) средство общения (язык или его подсистема – диалект, стиль, а также паралингвистические

средства – жесты, мимика); 7) способ общения (устный/письменный, контактный/дистантный); 8) место общения.

Коррелят (филос) – соотносительное, коррелятивное понятие, содержание которого уясняется при сопоставлении с каким-н. другим понятием. В пространстве верх и низ являются **коррелятами**.

нь, также (англ. *Pig Latin*, «самоназвание»– *Igraу Atinlay*) – «тайный язык», представляющий собой зашифрованный английский. Чаще всего используется в шутовском или полумутовском контексте.

Синхронический и диахронический подход. Различают синхронное и диахроническое словообразование. Диахроническое словообразование изучает реальные процессы образования одних языковых знаков от других на протяжении исторического развития языка, а также исторические изменения словообразовательной структуры отдельных слов (в частности, путем опрощения и переразложения). Синхронное словообразование изучает не столько процессы, сколько отношения между словами, сосуществующими в одном синхронном срезе языка.

Языковой код. Каждое языковое сообщество пользуется определенными средствами общения – языками, их диалектами, жаргонами, стилистическими разновидностями языка. Любое такое средство общения можно назвать кодом. В самом общем смысле код – это средство коммуникации: естественный язык (русский, английский, сомали и т.п.), искусственный язык типа эсперанто или типа современных машинных языков, азбука Морзе, морская флажковая сигнализация и т.п. В лингвистике кодом принято называть языковые образования: язык, территориальный или социальный диалект, городское койне и под.

Фрагмент текста Дж. Дж. Гамперца «Об этнографическом аспекте языковых изменений» [2].

Термин "языковое изменение" в том смысле, в каком его обычно употребляют, может относиться к двум областям: к внутренней истории, или исторической лингвистике - реконструкции праязыков на основе имеющихся сейчас исторических памятников, - и к внешней истории, или "истории языка" (Малькиль 1953), которая рассматривает изменения в структуре языка в их связи с социально-экономическим окружением. Оба типа исследований привлекали к себе достаточно большое внимание в прошлом, но все-таки именно первый из них (историко-лингвистические исследования) получил более непосредственный выигрыш от применения лингвистических методов и добился наиболее значительных успехов. За полтора столетия в этой области были разработаны приемы установления языковых законов, или звуковых соответствий, оказавшихся замечательно надежным свидетельством доисторического родства. И хотя многие частные вопросы применимости этого метода к тем или иным конкретным случаям еще не решены, общие принципы сравнительно-исторической реконструкции хорошо известны, результаты ее легко воспроизводятся, а сам метод принят как важное орудие лингвистических и исторических исследований.

В то же время к внешней истории языка до последнего времени формальный (структурный) анализ не применялся. Существует обширная литература о влиянии изменений в политике и экономике на речевое поведение, на возникновение литературных языков, на сдвиг в языке, на вытеснение одного языка другим, на образование "смешанных языков", языков типа пиджин, креольских языков, торговых жаргонов и т.п. Приводимые данные не оставляют сомнения в том, что указанные явления обусловлены социальными причинами, а не строением человеческого тела, климатом или географической средой, как полагали раньше. В ряде случаев была показана (прямая) соотнесенность с изменениями в обществе. Однако до сих пор у нас нет теории языка и общества, которая могла бы объяснить,

как те или иные конкретные факторы социальной системы приводят к изменениям в языке и как языковые структуры меняются под воздействием этих факторов. Кроме того, до последнего времени структурная лингвистика уделяла мало внимания территориальным и социальным разновидностям языка в пределах единого культурного ареала - основному источнику сведений при лингвистическом изучении истории языка. Лингвисты занимались преимущественно разработкой методов, а это привело к тому, что изучались главным образом единые гомогенные грамматические системы. С другой стороны, исследователи речевого поведения в тех или иных конкретных коллективах обычно отрицали применимость формальных методов к их области изучения. История языка оказалась, таким образом, на периферии обеих дисциплин, темой для обсуждения, как сформулировал это Малькиль, "в дружеской обстановке конференц-зала, где лингвисты охотно обсуждают актуальные проблемы широкого масштаба со своими коллегами, интересующимися историей" (Малькиль 1953), но отнюдь не объектом строгого формального исследования.

Судя по некоторым симптомам, положение начинает меняться. Представители социальных наук все больше и больше осознают значение показаний данных языка для их исследований. Возрождается интерес к языку как показателю социальной стратификации и к роли языковых изменений в процессе модернизации. Так, в проведенном недавно большом исследовании сводятся воедино результаты тщательного изучения изменений в языке у нескольких национальных меньшинств в Америке. Более того, растет интерес лингвистов к установлению связей между грамматической структурой и более широкими аспектами коммуникации. По мере того, как мы все более детально знакомимся с речевым поведением в коллективах, неоднородных в лингвистическом отношении, мы все более убеждаемся, что границы отдельных языков или диалектов далеко не всегда совпадают с границами социальных групп (Хаймс 1962, Гамперц 1962) и что языковое варьирование и контакты языков часто целесообразнее рассматривать как

проблемы внутри-, а не межгрупповые. Единый языковой коллектив может включать группы реликтовые, в речи которых сохраняются формы, давно вышедшие из употребления в других группах, и группы, склонные к инновациям, в речи которых происходят быстрые изменения. Кроме того, в двуязычном обществе говорящие обнаруживают разные степени владения языками. Одни из них одинаково хорошо владеют обоими языками, другие регулярно пользуются только одним языком, а другой язык знают лишь поверхностно. Сравнительный анализ речевого поведения всех таких групп населения в связи с их социальными характеристиками должен отразить происходящие в обществе процессы языкового изменения, подобные тем, которые до сих пор изучали в основном с помощью анализа текстов.

В настоящей статье рассказывается об одном таком исследовании. В ней делается попытка описать процессы изменения, происходящие внутри языкового коллектива, с помощью методов опроса, "участия и наблюдения" (participant observation) и контролируемых экспериментов, обычно применяемых в полевой работе антропологов. В качестве отправного пункта нам служит анализ языковых форм, но дистрибуции этих форм мы оцениваем в терминах социальных категорий.

В основе любого подобного исследования лежит, разумеется, та или иная теория о процессах, управляющих диффузией языковых форм. По существу, большая часть исследований в прошлом также опиралась на какую-то теорию, эксплицитно или имплицитно. Однако в подавляющем большинстве случаев исследователи языковых изменений оперируют простой иерархической моделью общества, в котором население подразделяется на ряд дискретных групп, различаемых с помощью таких категорий, как класс, каста, род занятий, пол и т.п. Считается, что внутри этой структуры инновации распространяются вниз по социальной иерархической лестнице от одного диалекта или языка к другому посредством престижной имитации (prestige imitation) - данный термин используется для обозначения ситуации, при которой низшие или менее

привилегированные группы воспринимают формы, употребляемые привилегированной верхушкой. Исходным здесь является положение о том, что у каждой категории имеется особая форма речи, или диалект, отличный от всех форм.

Некоторые данные в поддержку этой теории мы находим в исторических памятниках, наблюдая, как формы, бывшие сначала исключительным достоянием высших классов, получают впоследствии широкое распространение и становятся частью обычного разговорного употребления. Но речевого поведения в современных обществах такая модель не объясняет. Если мы применим ее к речевому коллективу, охарактеризованному, вслед за Блумфилдом (Блумфилд 1936), в терминах частоты взаимодействия между индивидуумами или подгруппами, тогда диффузия инноваций, протекающих в одном направлении - сверху вниз, должна была бы с течением времени привести к гомогенности языка.

Однако, как показывает опыт полевой работы, речевые коллективы всегда неоднородны. Хотя в различных местах общая величина внутреннего расстояния между языками неодинакова, какая-то степень стилистического или диалектального варьирования существует всегда. Поэтому Фишером (Фишер 1958) была предложена несколько модифицированная гипотеза, которая предполагает двуступенчатый процесс изменения: группы, имеющие низкий престиж, подражают социальной верхушке, чтобы более походить на нее, но социальная верхушка в свою очередь осуществляет новые изменения, с тем чтобы сохранить свою обособленность. Речевой коллектив с этой точки зрения представляет собой как бы систему в равновесии, а различия языка отражают "длительную погоню завистливой массы за элитой и соответственно стремление элиты убежать от языка".

Подобного рода теория учитывает как устранение старых различий, так и возникновение новых, и с ее помощью можно было бы объяснить, следовательно, многие случаи изменения языка и распространение литературных языков. И действительно, неоднократно замечалось, что те же

самые процессы, которые приводят к вытеснению диалектов и языков национальных меньшинств, ведут также к появлению новых профессиональных и социальных элит и новых различий в языке, связанных с этими явлениями. Однако ряд вопросов остается при этом все-таки нерешенным. Мы не можем, например, объяснить многие случаи, когда престижная имитация, по всей видимости, не действует. Эмено (Эмено 1962) приводит, в частности, пример с племенами тода, ката и бадага в Южной Индии. Эти племена сосуществуют в отношениях, напоминающих кастовые, уже в течение нескольких сотен лет. Племя тода явно находится на вершине этой социальной иерархии, а ката и бадага так или иначе обслуживают его. И тем не менее, каждая группа продолжает говорить на своем собственном, отличном от других языке. Подобные многоязычные группы можно встретить повсеместно в Азии и Африке, так же как и в Северной и Центральной Америке. Во всех этих группах, если бы здесь действительно одновременно протекали процессы престижной имитации и изменения в речи элиты, можно было бы ожидать, что непривилегированные группы откажутся от своего языка (или языков) и воспримут видоизмененный вариант языка привилегированной верхушки. Однако на деле этого не происходит.

Возникает также ряд проблем, связанных с направлением диффузии. Так, исследуя кастовые диалекты языков тамили и тулу в Южной Индии, Брайт и Рамануджан обнаружили, что инновации в диалектах низших каст невозможно объяснить на основе заимствований из брахманских диалектов. Исходя из этого, они выдвинули предположение, что в кастовом обществе инновации в речи различных групп происходят независимо друг от друга (Брайт и Рамануджан 1964).

Подобные возражения указывают на необходимость более тщательного изучения проблемы диффузии. И здесь лингвистика оказывается зависимой от социологии, потому что более всего в пересмотре нуждаются именно социальные компоненты модели. Во-первых, следует выяснить значение для

реального речевого взаимодействия таких общих терминов, как престиж. Во-вторых, далеко не ясным является отношение социальных категорий, на основе которых часто строится иерархическая модель общества, к группам, реально существующим в различных обществах. В-третьих, методы лингвистической работы с информантами должны соответствовать пересмотренной модели.

Первым шагом по пути уточнения теории является подход к проблеме диффузии не в историческом плане, но как к проблеме речевого поведения. Уже указывалось, что с точки зрения социального взаимодействия дистрибуция разновидностей (вариантов) языка в реально существующих коллективах обычно принимает две формы (Гамперц 1962). *Диалектальное*, или межличностное, варьирование происходит в группах, различающихся в социальном или территориальном отношении. С другой стороны, *наслаивающееся* (superposed), или внутриличностное, варьирование отражает сдвиги в языке у отдельных говорящих. Диалектальные речевые особенности отражают индивидуальную историю говорящего. Они указывают на происхождение его семьи, а также на всякое последующее изменение в групповых связях - например, на переезд из одной области в другую или на изменение в социальном положении. *Наслаивающееся* варьирование является отражением деятельности индивидуума в его регулярной повседневной практике. Когда он говорит, он всегда производит выбор из ряда возможных способов выражения своего намерения, используя, например, один ряд форм в разговоре со своим начальником по службе, другой - со своими коллегами, а возможно, еще и третий - со своими детьми. В одноязычном обществе выбор ограничен вариантами одного и того же языка. Однако в двуязычных или двудиалектных обществах социальные функции, аналогичные переходу с одного стиля на другой в одноязычных обществах, может выполнять выбор одного из двух диалектов или языков. Говорящий в конечном счете всегда свободен в выборе языковой формы, но коль скоро при этом передаются общепонятные коннотации, выбор должен

соответствовать кодифицированным способам символизации социальных отношений (Гамперц 1964). Нам, следовательно, нужны предварительные сведения о всей совокупности диалектов, языков и речевых стилей, используемых в данном коллективе, и о правилах языкового этикета, которые регламентируют их употребление. Далее, модели наслаивающегося варьирования различны в разных подгруппах даже в пределах одного и того же речевого коллектива. Значит, необходимо тщательно определить группы населения.

Исследование, ставящее своей целью изучение одновременно и наслаивающегося и диалектального варьирования, может быть построено двояко. Оно может принять форму широкого обследования, основанного на случайной выборке в соответствии с социальными критериями, установленными в ходе параллельного социологического обследования (Лабов 1964). Или оно может принять форму антропологического изучения одной или нескольких малых групп, как в нашем случае.

Коллектив, при обследовании которого были применены указанные методы, - Хемнесбергет, торговое поселение с примерно 1300 жителями в середине фьорда Рана в Северной Норвегии. Вплоть до XIX в. район Рана, расположенный в одном из самых малонаселенных мест Европы, в значительной степени контролировался небольшой элитарной группой землевладельцев, купцов и чиновников. Они владели обширными участками земли, и в их руках находилась официально санкционированная монополия на торговлю в этом районе. Большие различия в богатстве и образовании отделяли их от большинства населения - арендаторов, рыбаков, наемных батраков (в имениях) и слуг. В 1868 году торговые монополии были отменены, и земля стала постепенно переходить к поселенцам. Сейчас это район мелких фермеров, которые зарабатывают на жизнь, ведя молочное хозяйство, работая на лесозаготовках, на судостроительных верфях, занимаясь рыбной ловлей.

В течение последних десяти лет наблюдалась восходящая тенденция к специализации и концентрации ремесленников и рабочих в двух местных торговых центрах - Мо и Хемнесбергете. Таким образом, в результате отмены торговых монополий и растущей прибыльности судостроительной промышленности, которая экспортирует суда в бедные лесом более северные рыболовецкие районы, население Хемнесбергета выросло между 1865 и 1900 годами со 100 до 1000 человек. Этому способствовал ряд экологических факторов. До строительства дорог в послевоенный период Хемнесбергет был естественным центром коммуникации данного района. Он был расположен в середине фьорда, его гавань была свободна ото льда, что позволяло зимой прямо выходить в открытое море. Еще со средних веков Хемнесбергет был и религиозным центром. Кроме того, рыбаки-фермеры обычно хранили там свои лодки и все снаряжение для зимней рыбной ловли.

Субсидируемое правительством экономическое развитие в течение последних трех десятилетий превратило район Рана в важный центр по производству железа и стали. Население области Мо-и-Рана на фьорде увеличилось с 1000 жителей в 1920-х годах до почти 20 тысяч в 1960-м, главным образом за счет иммиграции из Южной Норвегии и района Тронхейма. Город Мо отреагировал на этот рост появлением универмагов, гостиниц, ресторанов и кинотеатров. Недавно было завершено строительство железной дороги от Тронхейма до Мо-и-Рана и далее до Будё, и система дорог постоянно улучшается. Однако Хемнесбергет остается относительно незатронутым этими изменениями. Несмотря на то, что пароход раз в день регулярно ходит в Мо, что два ежедневных автобусных рейса связывают Хемнесбергет с близлежащей железнодорожной станцией, а некоторые жители часто ездят в Мо на собственных машинах и мотоциклах, для большинства жителей Хемнесбергета жизнь сосредоточена в родном городе и вокруг него. Наши опросы показали, например, что события, происходящие в Мо-и-Рана или в соседних с ними небольших городках, представляют для них весьма отдаленный интерес.

В экономическом отношении поселение Хемнесбергет зависит от местного лесного хозяйства. Производство концентрируется главным образом на использовании сравнительно дешевого леса в строительстве лодок и кораблей. Имеется, кроме того, лесопильный завод, две недавно построенные мебельные фабрики, производящие двери и оконные рамы, и еще одно новое предприятие, где делают прогулочные яхты, идущие на экспорт.

Общественная жизнь в Хемнесбергете обнаруживает неустойчивость классовой структуры, аналогичную той, которая была описана для Южной Норвегии Барнсом (Барнс 1954). Большинство населения происходит из одной и той же культурной среды и обнаруживает сильное чувство общности с местным коллективом. Имеются, однако, значительные внутренние различия. Мы выделяем четыре социально-экономических группы: 1) ремесленники (часть из которых работает в собственных мастерских) и рабочие; 2) лавочники, занимающиеся исключительно местной розничной торговлей; 3) оптово-розничные торговцы, которые покупают и продают суда местного производства и поставляют все необходимое фермерам и рыбакам, и 4) государственные служащие и управляющие предприятий.

Мы используем термин речевой репертуар (*verbal repertoire*) для обозначения всей совокупности речевых форм, употребляемых жителями Хемнеса в социально значимом языковом взаимодействии. Мы можем представить себе этот репертуар как набор лексических, фонематических и грамматических наслаивающихся вариантов, из которых говорящие производят выбор в соответствии с правилами языкового этикета, принятыми в Хемнесе. На одном полюсе этого ряда мы находим формы, которые обычно характеризуют как часть местного диалекта Рана (*Rana malet*). Это родной язык, который передается от родителей к детям и широко употребляется в данной местности группами друзей и товарищей по досугу (*play and friendship groups*). На другом полюсе ряда находится северонорвежский вариант литературного языка букмола, или риксмола, как называли его

раньше. Риксмол, или букмол, один из двух официально признанных литературных языков Норвегии (Хауген 1959), обычно признается в Северной Норвегии единственной литературной нормой. Дети изучают его в школах и в церкви и регулярно слышат его в радиопередачах. Поскольку образование является всеобщим и уровень грамотности населения очень высок, букмол можно считать неотъемлемой частью языкового взаимодействия данного коллектива.

Хотя литературным и религиозным языком признан букмол, жители деревень весьма гордятся своим диалектом как средством устного общения. Как и во многих других сельских районах Норвегии, они гордятся местными традициями, и диалект является символом этой гордости. Использование букмола в разговоре на местные темы было бы сочтено грубостью и зазнайством. Местные жители даже утверждают, что употребляют свой местный диалект во время деловых поездок в город, чтобы показать, как они говорят, что "мы не стыдимся своего происхождения".

Грамматические различия между букмолем и диалектом Рана таковы, что лингвисты обычно рассматривают их как разные языковые образования. Сопоставительный анализ обнаруживает, однако, и значительное сходство между ними. Рассмотренные в пределах единой системы на основе аналогичных критериев, они дают шкалу для измерения языкового взаимодействия. Однако детальный сопоставительный анализ выходит за рамки настоящей статьи, и потому мы приведем здесь только некоторые из наиболее важных фонологических и морфологических показателей их внутренней дифференциации.

На уровне фонологии совпадающие и несовпадающие явления речевого репертуара можно представить, введя разграничение между максимальным набором фонем и общим ядром. Фонематические различия в общем ядре обнаруживаются во всех местных разновидностях речи. Другие (отмеченные здесь звездочкой) появляются только в некоторых, но не во всех разновидностях. Ниже указываются только приблизительные фонетические

соответствия; дополнительный фонетический материал будет приведен при рассмотрении проблем речевого поведения.

В области морфологии основные словоизменительные категории являются общими для всех разновидностей. Так, например, все существительные имеют неопределенную форму, равную основе, и определенную форму, представляющую собой основу плюс суффиксированный артикль, причем обе части принимают окончания единственного и множественного числа. Существует три рода - мужской, женский и средний. У глагола и глагольных производных с помощью словоизменительных морфем различаются формы императива, инфинитива, настоящего и прошедшего времени и причастия прошедшего времени. Система местоимений включает личные, притяжательные, указательные, вопросительные, относительные и неопределенные местоимения.

Формальному анализу речевого поведения предшествовала интенсивная работа с несколькими информантами и наблюдение речевого взаимодействия в разнообразных ситуациях общения. Отмечались варианты и наслаивающиеся и диалектальные, но, как было уже замечено раньше (Хилл 1958; Гамперц 1962), у них оказались разные языковые корреляты. Наиболее разительно различие на уровне фонологии. Здесь наслаивающееся варьирование обнаруживает себя главным образом в наличии или отсутствии некоторых противопоставлений, например, различия между палатализованными и непалатализованными согласными. Палатализация имеет тенденцию исчезать в беседах официального характера с посторонними, а также иногда в деловых контактах. Однако фонетическая реализация, или диапазон аллофонов (то есть диапазон свободного варьирования, включающий все случаи появления аллофона) тех или иных фонем, подобному варьированию не подвергались. С фонетической точки зрения, говорящие произносили одни и те же звуки, независимо от того, говорили они на букмолем или на диалекте.

Диалектальное варьирование у различных говорящих, напротив, проявлялось главным образом в различиях именно фонетических. Примерная картина дистрибуции таких вариантов была получена посредством изучения речи небольшой группы специально подобранных информантов, которая включала жителей как отдаленных сельскохозяйственных районов, так и самого Хемнеса, относящихся к различным возрастным группам. В анкету был включен ряд односложных слов, расположенных в соответствии с их фонологической структурой по образцу тех, которые были использованы для выявления различий в диапазоне аллофонов. В вопросник был также включен второй ряд слов и словоизменительных форм, которые обычно считаются устаревшими.

В то время как диалектальное варьирование, как оно было определено выше, можно изучать методами лингвистической географии, методов формального анализа наслаивающегося варьирования у нас до сих пор нет. Бернштейн показал (Бернштейн 1961), что различные подгруппы в пределах одного речевого коллектива по-разному относятся к использованию языка; и мы полагаем, что это различие установок также находит отражение в наслаивающемся (внутриличностном) варьировании. Но определение подгрупп, на основе которых можно было бы строить наше исследование, сопряжено с трудностями. Такие термины, как класс, редко соотносятся с каким-либо одним поддающимся измерению показателем, особенно в коллективах с неустойчивой классовой структуры, как Хемнес. Поскольку нас интересует употребление языка, а не способность говорить, нет также никаких теоретических оснований считать прямо релевантными и такие признаки, как социально-экономический статус и образование. Многие сравнительно бедные и невлиятельные жители Хемнеса гораздо более культурны, чем их более богатые сограждане, и в то же время некоторые образованные люди охотно воспринимают модели поведения своих менее образованных сверстников. Решая вопрос о том, какие показатели можно использовать при обследовании, мы исходили из того, что наслаивающееся

варьирование - это способ символизации различных социальных отношений. Отсюда следует, что этот тип варьирования нужно изучать с помощью моделей взаимодействия, через которые осуществляются социальные связи. Это можно осуществить, введя понятие социальной цепочки (social network, Барнс 1954).

Цепочка - это в основном группа людей, которые знают друг друга. Можно, однако, провести дальнейшее разграничение между цепочками *закрытыми* и *открытыми*. Если из трех человек - А, Б и В - А и Б знакомы между собой и Б и В также знают друг друга, цепочка является *закрытой*, если существует большая вероятность, что А знаком с В. Если же, напротив, существует большая вероятность, что А не знает В, цепочка считается *открытой*. Цепочка может возникать на основе различного рода связей: дружеских, религиозных, политических, родственных, торговых, профессиональных и т.д. Поскольку более раннее изучение социальных диалектов в Индии (Гамперц 1958) показало, что языковое сходство наиболее непосредственно отражается в дружеских связях, мы исходили в нашем анализе из дружеских цепочек (то есть цепочек, связывающих друзей и знакомых). Такие цепочки были выделены в специальном исследовании норвежским антропологом Бломом (Блом 1964). Было обнаружено, что среди жителей Хемнесбергета, относящихся к первой социально-экономической группе (ремесленники и рабочие), преобладали закрытые цепочки; иначе говоря, у них наблюдалась тенденция устанавливать дружеские связи преимущественно внутри коллектива. В отличие от этого, многим членам групп 2, 3 и 4 оказались присущи характеристики открытых цепочек - они имели важные личные связи как внутри, так и за пределами коллектива. Мы исследовали четыре группы собеседников, причем две группы объединяли индивидуумов, имеющих характеристики открытых цепочек, а члены двух других обнаруживали характеристики закрытых цепочек. Открытая цепочка *a* состояла из студентов в возрасте от 20 до 30 лет, которые зимой уезжали на учебу в

другие места, а летом возвращались в Хемнесбергет на заработки. Открытая цепочка б включала местного бизнесмена, его жену и церковного служащего общины. Закрытая цепочка в включала другого местного бизнесмена и двух мастеров небольших промышленных предприятий, а также их жен. В закрытую цепочку г входили два квалифицированных кустика и их жены. Один из представителей группы в был выборным членом городского совета; другой, бывший член городского совета, по-прежнему принимал активное участие в политической жизни Хемнесбергета.

Поскольку наслаивающееся варьирование отражает межличностные связи в определенных ситуациях, сбор материала с помощью вопросников вряд ли оказался бы эффективным - при такой методике говорящие обычно оказываются отрезанными от привычного окружения и от тех стимулов, которыми мотивируют интересующий нас вид поведения. Наслаивающееся варьирование целесообразнее всего изучать методом непосредственного наблюдения групп в определенных ситуациях взаимодействия. Видоизменяя окружения и характеристики изучаемых групп по открытости - закрытости, можно получить некоторый выбор контрольных ситуаций для анализа речевого поведения.

Окружения могут быть, далее, дифференцированы по типу взаимодействия, который в них преобладает. Один тип взаимодействия, который мы назовем *деловым* (transactional), связан главным образом с некоторыми ограниченными целями, такими, как покупка продуктов или предметов одежды, получение денег по чеку в банке, заказ разговора по телефону, посещение доктора. Участники таких деловых контактов как бы отказываются на время от своей индивидуальности и действуют в соответствии со своим статусом, если использовать это слово в значении, принятом в социальной антропологии (Надель 1954). Они выступают как продавцы, клиенты, банковские кассиры, врачи, а не как Том Хансен или Ингер Стенсен. В каждом обществе существуют определенные нормы поведенческого и языкового этикета, закрепленные за этими статусами.

Лица, обладающие тем или иным статусом, подчиняются указанным нормам независимо от своих индивидуальных личных качеств. Человек может, разумеется, в течение одного дня занимать несколько статусов; он может быть священником, отцом, клиентом банка и т.д. В каждом случае о его статусе сигнализирует его поведение, его одежда, его манеры и стиль речи. Отклониться от ожидаемого поведения в каком-либо из этих статусов значило бы поставить под угрозу осуществление целей взаимодействия.

Деловому взаимодействию противостоит взаимодействие *личное*. При данном типе взаимодействия участники действуют как личности, а не ради достижения ограниченных, вполне очевидных целей. Эта разновидность поведения наблюдается преимущественно среди друзей, в группах сверстников, в кругу семьи в часы досуга. Здесь проявляются все грани личности человека.

Оба типа взаимодействия могут быть отмечены наслаивающимся варьированием. При деловом взаимодействии наслаивающееся варьирование обычно тесно связано с формальными характеристиками ситуации. Изменения в стиле могут явиться результатом изменения в физическом окружении; они могут быть связаны со сменой собеседников, как, например, в том случае, когда к группе присоединяется новое лицо. Они могут также отражать изменения в структурных признаках ситуации, как, например, в том случае, когда лавочник перемежает свой деловой разговор с покупателем дружеской болтовней. Поступая так, он переходит в область личных отношений, существующих независимо от делового характера основного взаимодействия, и таким образом цели взаимодействия на время отодвигаются в сторону. Если таких личных отношений с покупателем в действительности не существует, возникает опасность, что лавочник будет неправильно понят. Что касается личного взаимодействия, то здесь наслаивающееся варьирование может быть вызвано к жизни изменением темы, хотя общие признаки ситуации остаются теми же. Для различения стилистических сдвигов, связанных с данными двумя типами

взаимодействия, мы использовали термины переключение при деловых контактах (transactional switching) и переключение при личных контактах (personal switching).

Мы предполагаем, что поскольку все жители Хемнеса двуязычны, у них у всех имеет место переключение с одного языка на другой при деловых контактах. Это предположение подтверждается отчасти наблюдением за речевым поведением в магазинах и общественных местах. Здесь члены как закрытых, так и открытых цепочек обнаружили, как нам представляется, гораздо более высокий процент форм и особенностей произношения, характерных для букмола. Столь же высокая частотность этих форм была замечена, когда участников групповых бесед интервьюировали поодиночке в обстановке относительной официальности. Поскольку сложилось такое положение, мы обратились тогда для выяснения межгрупповых различий в использовании языка к личному взаимодействию.

Для получения языкового материала, необходимого для изучения наплаивающегося варьирования, была использована следующая процедура. Все названные выше четыре группы наблюдались в однотипной обстановке: дружеские вечеринки за стаканом пива. В вечеринках принимали участие оба исследователя. Встреча с каждой группой занимала большую часть вечера, и в каждом случае на магнитофонную пленку было записано несколько часов разговора.

Каждой группе в качестве стимулов были предложены аналогичные темы - от сравнительно абстрактных тем, связанных с политикой правительства в области капиталовложений, с местными административными проблемами и т.п., до более непринужденных тем, таких, как рыбная ловля, путешествия, личные слабости хорошо известных членов общества и т.п. Члены группы были предупреждены, что нас интересует естественная речь, и их просили говорить непринужденно. Темы вводились одним из исследователей, который начинал, например, с расспросов о местах, где хорошо клюет рыба. Вначале ответы обычно

адресовались непосредственно ему, но если тема оказывалась увлекательной, участники встречи обычно бывали вовлечены уже во внутреннюю беседу между собой. После того как бывал записан достаточно продолжительный отрезок такого их разговора между собой, вводилась новая тема.

После каждой встречи пленки прослушивались и из них вырезались те части, которые были обращены непосредственно к исследователю. Поскольку эти отрывки отражали статус исследователей как людей посторонних, можно было считать, что в них представлен деловой тип взаимодействия. Устранение таких отрывков оказалось делом относительно нетрудным, благодаря визуальным знакам, проставляемым во время беседы. Во всяком случае, лингвистически переходы от делового общения к личному сигнализировались увеличением скорости и непринужденности разговора.

Анализ лингвистических результатов этих встреч еще не завершен: детальный отчет будет представлен позднее. Однако наши предварительные данные указывают на наличие некоторых существенных расхождений в речевом поведении групп с признаками закрытых и открытых цепочек. Все четыре группы склонны были ограничиваться диалектными формами, когда разговор шел о таких вещах, как спорт и местные новости. Когда же собеседники переходили к более абстрактным проблемам, представляющим не только узко местный интерес, в группах открытых цепочек наблюдался гораздо больший процент форм букмола. Переключение на личный контакт в этих случаях затрагивало как словарный состав, так и структуру языка. Словам и выражением букмола, необходимым для передачи таких понятий, как правительственные капиталовложения или проблемы занятости, обычно сопутствовали произношение, словоизменительные суффиксы и служебные слова букмола.

Наши материалы, далее, показывают, что переключение при личных контактах в группах открытых цепочек не зависит от высказываемого говорящими отношения к языку. Некоторые члены таких групп зачастую даже более энергично, чем их сограждане из групп закрытых цепочек,

высказываются за использование диалекта во всех типах устного взаимодействия. Когда пленки с записью беседы одной открытой группы были проиграны члену другой открытой группы, он сначала заявил, что участники беседы - не жители Хемнеса. Затем, узнав голоса некоторых говорящих, он выразил свое неодобрение. Эти же самые пленки были впоследствии проиграны одной из участниц беседы - она выразила удивление и заявила, что ей и в голову не приходило, что она до такой степени переключается на букмол. Она также высказала намерение в будущем избегать столь значительного переключения. Тем не менее записи последующих бесед с участием этой женщины показали, что почти никаких изменений не произошло.

Выводы

Проведенное нами исследование речевого поведения носит неполный и предварительный характер и отнюдь не является окончательным, но результаты, как нам кажется, указывают, что анализ изменений в языке, основывающийся на различии типов речевого поведения, позволяет выработать воспроизводимые методы, которые могут быть подвергнуты проверке в дальнейшей работе. Если подтвердится наше наблюдение о том, что различия в диапазоне аллофонов есть продукт индивидуальной биографии говорящих, станет возможным создание методов анкетирования, в которых внимание концентрируется на произношении и которые можно применять при минимальной обусловленности контекстом.

Измерение наслаивающегося варьирования в терминах цепочек позволяет отказаться от таких понятий, как "класс", "престиж" и т.п., которые, как известно, весьма трудно определить в применении к тем или иным конкретным речевым коллективам и трудно соотнести с поведением в тех или иных определенных контекстах.

Что касается более широких выводов, которые можно сделать из нашего исследования для изучения языковых изменений, представляется, что диалектальное варьирование и межгрупповые различия в наслаивающемся

варьировании знаменуют собой два различных, но одновременно протекающих в пределах одного и того же коллектива процесса. Диалектальное варьирование отражает длительную постепенную адаптацию речевых навыков. Тенденции, подмеченные нами в Хемнесе, позволяют прогнозировать постепенное сокращение фонетических различий между диалектом и литературным стандартом, что будет сопровождаться постепенным уподоблением диалектных грамматических форм формам литературного языка. Отдельные знаки различия могут сохраниться, но в целом расстояние между языками, по-видимому, уменьшается.

В то время как диалектальное варьирование связано с "дрейфом" ("drift"), или языковым изменением в самом обычном понимании, наслаивающееся варьирование связано с "языковым сдвигом" ("language shift") и заимствованием. Его следствие в языке - замена целых слов. Такие замены могут в конечном итоге привести к утрате фонематических противопоставлений или некоторых алломорфов, сокращая сферу употребления явлений, специфичных для диалекта.

Предложенное нами различие процессов переключения при деловых и личных контактах намечает пути решения проблемы, поставленной Эмено, а именно почему в одних коллективах двуязычие сохраняется, а в других нет. Исследования в области исторической лингвистики и двуязычия позволяют, по-видимому, предположить, что переключение при личных контактах с большей вероятностью приводит к сдвигу языка, чем переключение при деловых контактах. Чем чаще два альтернанта встречаются в пределах одного и того же контекста, тем сильнее тенденция к утрате существующих между ними различий в коннотации. И когда это происходит, исчезает социальное оправдание для их отдельного существования. Напротив, переключение при деловых контактах обычно усиливает различия в коннотации, явно связывая их с очевидными знаками ситуации. Если эта гипотеза окажется научно состоятельной, изучение социальных характеристик групп, проявляющих склонность к переключению при личном

взаимодействии, позволит нам предсказать сдвиг языка. В Хемнесе переключение при личных контактах наблюдалось только в группах открытых цепочек. Наш этнографический анализ показывает, что эти группы находятся на периферии речевого коллектива, взятого в целом. Мы поэтому предполагаем, что, если не считать постепенных процессов, о которых говорилось выше, диалект Хемнеса относительно устойчив. Если же, с другой стороны, переключение при личных контактах будет наблюдаться внутри одного коллектива как в группах открытых, так и в группах закрытых цепочек, мы сделаем заключение, что в речевом поведении данного коллектива назревает изменение. Изучение речевого поведения в коллективах, характеризующихся различными типами социальной стратификации, должно, по-видимому, подтвердить эту гипотезу.

Литература.

Барнс 1954: J.A. Barnes. Class and committees in a Norwegian Island parish. "Human Relation", 1954, 7, 39-58.

Барт 1964: F. Bart. Ethnic processes on the Pathan-Baluchi boundary. In: "Indo-Iranica. Melanges Presentes a Georg Morgenstierne". Wiesbaden, Harrassowitz, 1964, 13-20.

Бернштейн 1961: B. Bernstein. Social structure, language and learning. "Educational Research", 1961, 3, 163-176.

Блом 1964: J.-P. Blom. Friendship networks in Hemnes. NS, 1964.

Блумфилд 1933: L. Bloomfield. Language. New York, 1933.

Брайт и Рамануджан 1964: W. Bright and A.K. Ramanujan. Sociolinguistic variation and language change. In: "Proceedings of the Ninth International Congress of Linguists". The Hague, Mouton, 1964, 1107-1113.

Гамперц 1958: J.J. Gumperz. Dialect differences and social stratification in a North Indian village. AA, 60, 1958, 668-682.

Гамперц 1961: J.J. Gumperz. Speech variation and the study of Indian civilization. AA, 63, 1961, 976-988.

Гамперц 1962: J.J. Gumperz. Types of linguistic communities. "Anthropological

Linguistics", 4:1, 1962, 28-40.

Гамперц 1964: J.J. Gumperz. Linguistic and social interaction in two communities. In: "The Ethnography of Communication", ed. by J.J. Gumperz and D.H. Hymes. AA, 66:6, part 2, 1964, 137-153.

Лабов 1964: W. Labov. Phonological indices to social stratification. In: "The Ethnography of Communication", ed. by J.J. Gumperz and D.H. Hymes. AA, 66:6, part 2, 1964, 164-176.

Малькиль 1953: Y. Malkiel. Language history in historical linguistics. "Romance Philology", 1953, 7, 65-76.

Надель 1954: S.F. Nadel. Foundations of Social Anthropology. London, 1954.

Хаймс 1962: D.H. Hymes. The ethnography of speaking. In: "Anthropology and Human Behavior", ed. by Thomas Gladwin and W.C. Sturtevant. Washington, D.C., Anthropological Society of Washington, 1962, 13-53.

Хауген 1959: E. Haugen. Planning for a standart language in modern Norway. "Anthropological Linguistics", 1:3, 1959, 8-21.

Хилл 1958: T. Hill. Institutional linguistics. "Orbis", 1958, 7, 444-455.

Христиансен 1962: H. Christiansen. Malet i Rana. Instituttet for Sosiologi. Oslos Universitet, 1962.

Эмено 1962: M.B. Emeneau. Bilingualism and structural borrowing. "Proceedings of the American Philosophical Society", 106, 1962, 430-442.

Вопросы к тексту Дж. Дж. Гамперца «Об этнографическом аспекте языковых изменений».

1. Где применятся языковое изменение?
2. К чему привело изучение единых гомогенных грамматических систем?
3. Что вызывает интерес у представителей социальных наук?
4. Какова основная теория, на которую опираются исследования языка?
5. Какие 2 ступени изменений поведения социальных групп предложил Фишер?
6. На что влияет устранение старых различий и возникновение новых?
7. Какую точку зрения высказали Брайт и Рамануджан?
8. Почему лингвистика становится тесно связанной с социологией?
9. Какие выделяют 2 формы вариантов языка?
10. Какие могут быть исследования различных видов варьирования?
11. Вызывает ли интерес у жителей Хемнесбергета жизнь в других районах?
12. Почему в Хемнесбергете возросла численность населения?
13. Назовите основной фактор развития экономики Хемнесбергета?
14. В чем заключается классовая неустойчивость Хемнесбергета?
15. Что означает понятие «речевой репертуар» и что представляют собой его составляющие?
16. Как жители деревень относятся к диалекту и используют ли они его в речи?
17. Сколько выделяют подъемов языка? И какие они?
18. Сколько выделяют рядов согласных? И какие они?
19. Каковы отличительные черты основных словоизменительных категорий в области морфологии, и что представляют собой эти категории?

20. Что затрагивают территориальные разновидности речи?
21. Что относится к морфологическим различиям между территориальными разновидностями языка помимо грамматических категорий?
22. Что можно выделить при формальном анализе?
23. Где проявляется диалектальное варьирование?
24. Какие выделяют диалектические различия?
25. Какую точку зрения высказал Бернштейн?
26. Что такое «цепочка» и каких она может быть видов?
27. Назовите наилучший метод изучения наслаивающегося варьирования?
28. Что понимается под «деловым взаимодействием»?
29. Что понимается под «личным взаимодействием»?
30. В каких видах взаимодействия можно наблюдать наслаивающееся варьирование?
31. Для чего проводилось наблюдение за четырьмя группами в однотипной обстановке?
32. Что было предложено каждой группе? Что было важно при этом?
33. Что можно было увидеть при проведении данной процедуры?
34. Каковы предварительные результаты?
35. Какую основную мысль можно выделить, опираясь на результаты исследования?
36. Влияет ли на что-нибудь отношение к языку?
37. Могут ли применяться при наслаивающемся варьировании такие слова как «класс», «престиж»?
38. Какие можно выделить два различных, но одновременно протекающих в пределах одного и того же коллектива, процесса?
39. С чем связаны диалектное и наслаивающееся варьирования?
40. Что позволяют предположить исследования в области исторической лингвистики и двуязычия?

Фрагмент текста Р.О. Шор «Язык и общество» [3].

«Мавра Максимовна была из «шпитонок». В раннем детстве из воспитательного дома она была отдана в финскую деревню, в которой и усвоила на всю жизнь характерный русско-финский жаргон. Федор Максимович у нее каждый день «уходила в должность», а кошка «лакал молоко и выскакивал на крышу».

(Короленко. «История моего современника».)

Язык, речь – это столь привычный элемент нашей повседневной жизни, что мы редко задумываемся над его определением. Он представляется нам столь же естественным, как ходьба, плач, бег, почти столь же естественным, как дыхание. А между тем нетрудно доказать, что этот естественный, природный характер языка является чистейшей иллюзией.

Действительно, процесс приобретения индивидом языка по самой сущности своей отличен от процесса обучения его ходьбе.

В процессе обучения ходьбе факт принадлежности индивида к тому или иному культурно-социальному единству не играет никакой роли. Все необходимые психофизиологические предпосылки ходьбы даны дитяти самым фактом принадлежности его к человеческому роду, даны ему тем комплексом факторов, который мы называем биологической наследственностью. Более того: самая форма развития соответствующих мускулов и нервов в организме дитяти, можно сказать, с самого начала приспособляется и определяется теми движениями, которые необходимы для ходьбы и аналогичных движений. В самом реальном значении слова нормальная человек екая особь так же предназначена для ходьбы, как птица для полета; дитя начинает ходить не потому, что взрослые обучают его этому искусству, но потому, что с самого рождения или, точнее, с самого зачатия организм его приспособлен к той затрате нервной энергии и мускульных сокращений, результатом которой

является ходьба. Словом, ходьба—это *наследственная, биологическая* функция человека.

Иначе – язык. Избрание индивидом того или иного языка, усвоение им тех или иных форм речи определяется исключительно тем обществом, тем этническим или социальным коллективом, короче, – тем культурно-историческим единством, членом которого он является. Перенесите дитя из одной культурно-исторической среды в другую, совершенно ему чуждую,— ходить, бегать, плакать дитя научится одинаково и в тех и в других условиях; но язык, который оно усвоит, будет языком его новой среды, совершенно отличным от языка его родичей по крови.

Итак, ходьба – это общечеловеческая деятельность, вариации которой ограничиваются индивидуальными особенностями каждой человеческой особи. Эти вариации произвольны и бесцельны. Речь, напротив, это – та человеческая деятельность, вариации которой обусловлены переходом от одной социальной группы к другой, от одного культурно-исторического единства к другому; ибо язык является чисто-историческим наследием данной социальной группы, продуктом социальной традиции. И вариации языка так же обусловлены экономическими, культурными, социальными причинами, как обусловлены ими вариации религий, нравов, обычаев и искусств у разных народов. Словом, *ходьба – это органическая, инстинктивная функция человеческой особи; язык – это не инстинктивная, усвоенная, «культурная» функция человеческого коллектива.*

Правда, есть факты, которые как будто противоречат представлению о языке, как о чисто-традиционной и условной системе знаков. Таков прежде всего тот факт, что под влиянием сильного аффекта боли, радости, страха – человек издает разные звуки; и эти звуки могут быть поняты, как указание на переживаемые человеком эмоции. Точно так же грудной младенец задолго до того, как он начинает говорить, дает понять окружающим своими криками о том, как он себя чувствует. И, наконец, в каждом языке есть группа слов – так называемых «междометий», которые как будто соответствуют этим крикам;

ибо, как крик, междометие ничто не «значит», оно только указывает на характер того или иного переживания того, кто их произносит: «ай!» – крик боли, «ах!» – изумления, «ох» – тяжелый вздох, стон.

Стало быть, существуют слова в языке, которые создаются одной человеческой особью без помощи коллектива, естественно, инстинктивно; отсюда легко предположить, что эти-то инстинктивные, произвольные, естественные звуки и являются подлинной основой языка. Нетрудно, однако, убедиться, что есть существенная разница между подобными произвольными выражениями переживаний и социальной формой передачи мысли, какой является язык. Произнося слово, говорящий сознательно избирает из всех возможных сочетаний звуков то сочетание, которое для него (и всех других людей, говорящих на том же языке) является знаком известного смысла; испуская крик радости, боли, страха, он просто дает исход своей нервной энергии – его крик является не указанием на переживаемую эмоцию, а такой же психо-физиологической составной ее частью, как сердцебиение, дрожь, бледность, слезы и т. п.

И так же различно понимание в обоих случаях. Слово всегда предполагает понимание, оно сообщает нечто, оно обращено к другому члену того же языкового коллектива, хотя бы этим другим являлся сам говорящий. Инстинктивный крик создается невольно, он ни к кому не обращен, он просто воспринимается случайным свидетелем, как могут быть восприняты слезы, смех, рычание, икота, как могут быть восприняты лай собаки, шум ветра, стук дождевых капель.

Для того, чтобы понять слово, надо знать тот язык, на котором оно произнесено, надо быть членом того же культурно-языкового единства: сообщение «я боюсь» так же непонятно для француза или немца, как для русского непонятно сообщение «j'ai peur» или «ich fürchte mich».

Зато крик испуга будет одинаково понятен для всех, – но понятен на другой лад, чем слово, «понятен» так же, как «понятны» плач, стон, гримаса, трясущаяся рука, побагровевшее лицо, т.-е. *доступен истолкованию на*

основании нашего предыдущего опыта, как доступны истолкованию все факты внешнего мира. Если мы знаем, что икота является одним из признаков опьянения, то, встретив икающего человека, мы можем предположить по издаваемым им звукам, что он пьян, так же как мы можем предположить об этом по его неверной походке. Если мы слышим крик ужаса, мы можем предположить, что человек испугался, как мы можем предположить это, слыша стук его зубов или видя его побледневшее лицо.

Но крик испуга так же мало или так же много «говорит», «сообщает» об испуге, как стук дождевых капель может «говорить» о непогоде или царапанье собаки в дверь – «говорить» о ее желании попасть в комнату. Назвать подобное явление «речью», «языком» можно лишь в самом условном, «переносном» смысле.

Другое дело – слова – междометия определенного языка: эти слова-междометия отнюдь не следует отождествлять с инстинктивным криком. Ибо они отнюдь не являются инстинктивными, естественными звуками, а лишь условным их отображением, принятым и передающимся по традиции в данном языковом коллективе. Поэтому-то в разных языках междометия так же различаются, как и обычные слова. Наше русское «ай» есть междометие боли, тогда как в немецком языке то же сочетание звуков является междометном изумления. Звуки «ха-ха» являются в нашем языке условным знаком смеха, в древне-индийском – такой же условной передачей плача.

Ну, а развитие речи у ребенка – разве не свидетельствует оно о том, что способность говорить от природы дана человеку? Разве не свидетельствуют так называемые «слова детского языка» о языковом творчестве индивида?

Действительно: с первого мига своего существования дитя обладает способностью издавать нечленораздельные бессмысленные крики; эти крики, являясь составной частью переживаемых дитятей аффектов (боли, страха, удовольствия), могут соответствующим образом истолковываться окружающими; получая удовлетворение своим желаниям, дитя в свою очередь начинает

сознательно издавать крики, «выражая» ими свои переживания – так между ребенком и окружающими создается первая связь «взаимопонимания».

Затем, в возрасте около двух месяцев, издаваемые дитятей звуки начинают определяться, – дитя производит самые разнообразные сочетания звуков, обычно повторяя их по много раз и не связывая с ними никакого значения. Это – так называемый «период лепетания».

Но вот из этих бессмысленно повторяющихся сочетаний звуков дитя начинает выделять определенные комплексы для обозначения тех или иных предметов или явлений: если раньше оно лепетало «па-па-па-па», «ба-ба-ба», «ма-ма-ма», то теперь оно начинает называть «папу», «бабу», «мamu», оно просится «ба-бай» или «ням-ням».

Овладев в период лепетания способами производства звуков, дитя подражает звукам окружающего мира: собака у него называется «ам-ам», корова – «му-му», часы «тики-таки». И вот эти «слова детского языка» совершенно не похожи на слова языка взрослых, которые лишь позднее вытесняют их.

Значит, дитя самостоятельно творит свой язык? Значит, языковое творчество есть природное достояние индивида? Отнюдь нет. Прежде всего нетрудно убедиться, что та связь взаимопонимания, которая устанавливается между дитятей и окружающими благодаря его крику, лежит всецело за пределами языкового общения: это – то «понимание», о котором мы говорили выше, – «понимание» путем истолкования естественного, природного явления на основании вашей предыдущего опыта; это – то «понимание», которое дает нам вой собаки или стук дождевых капель. И не даром крик или плач негритянского или китайского дитяти будет так же «понятен» нам, как крик русского младенца; это – такой же естественный, природный звук, как мяуканье котенка или мычание теленка.

Так же естественны, так же лежат за пределами языкового общения сочетания звуков, производимые дитятей в «период лепетания». Ибо звуки эти вообще не являются достоянием какого-либо определенного языка; дитя,

производя их, «играет» своими органами речи так же, как оно «играет» своими ручками и ножками. Биологическое значение этой «игры» бесспорно – придавая своим органам различные положения, дитя укрепляет их и научается произвольно владеть ими. Но продукты этой «игры» – производимые дитятей щуки – недоступны первоначально контролю его воли и сознания. Не даром в «период лепетания» дитя производит такие звуки, которых нет в его родном языке, – например, различные формы прищелкивания, аналогию которым можно найти только в африканских языках. И не даром, производя в период лепетания довольно сложные комбинации звуков, дитя к моменту начала сознательного говорения располагает лишь очень ограниченным количеством произвольно произносимых звуков, усваивая остальные звуки и сочетания звуков лишь на протяжении нескольких лет.

Начало говорения в собственном смысле совпадает, следовательно, с моментом выделения из доступных воспроизведению дитяти звуковых сочетаний некоторых определенных комплексов и использования этих комплексов в качестве слов, т.-е. названий некоторых предметов и явлений. Но именно здесь дитя не является одиноким творцом языка; ему навстречу идет окружающая среда взрослых, и выделение того или иного сочетания звуков в том или ином значении происходит *в согласии с нормами того языка, которым располагают окружающие дитя взрослые.*

И русское, и английское, и турецкое, и грузинское дитя в периоде лепетания одинаково воспроизводят бессмысленные звуковые сочетания: «ба-Са-ба», «па-па-па», «ма-ма-ма», «де-де-де». Но, начав говорить, русское дитя свяжет с комплексом «ма-ма» значение «матери», с комплексом «ба-ба» значение «бабки», с комплексом «де-да» значение «деда»; тогда как для грузинского дитяти комплекс «ма-ма» обозначает «отец», комплекс «дэ-да» – «мать»; для английского дитяти комплекс «да^д» свяжется со значением «отца», комплекс «бэби» обозначит его самого, а для турецкого дитяти «баба» явится названием «отца». То же можно сказать и о других традиционных словах «детского языка»; это – не столько «язык детей», сколько «язык няnek», которому

обучают ребенка ухаживающие за ним лица. Почти каждый народ располагает таким «языком нянек», столь же традиционным достоянием коллектива, как и всякий говор; поэтому-то все дети данной языковой группы усваивают «детские слова», одни и те же у них, но отличные от «детских слов» другой языковой группы. Так, русское дитя просится «бай-бай», французское «до-до»; русское дитя называет собаку «ам-ам», немецкое – «бау-бау» и т. д., без конца.

Таким образом даже самые примитивные слова детского языка, возникающие как будто непосредственно из детского лепета (немецкие ученые так и называют их *Lallworter*—«слова-лепет»), являются для говорящего наследием того общественного или этнического коллектива, к которому он принадлежит.

Но по мере того, как обогащается словарь ребенка, традиционные «слова-лепет» теряются среди множества новых создаваемых ребенком слов; и слова эти так своеобразны, так непохожи у каждого ребенка на слова других детей – членов *того* же языкового коллектива. Один русский ребенок называет «молоко»— «мо», другой— «фьсь» (наблюдения Погодина); один маленький немец называет еду «рарр», другой «fsch» (наблюдения Штумфа); у датского мальчугана (наблюдения Йесперсена) слово «elefant» превращается в «vat», имя «Карен» в «Гайя» и т. д., до бесконечности. Разве не сами дети творят эти слова, освобождаясь от гнета языка взрослых? Разве здесь не расцветает пышно языковое творчество индивида? Отнюдь нет. Именно здесь – в этом мнимом творчестве языка ребенком—сказывается особенно ясно его зависимость от того языкового коллектива, членом которого он готовится стать.

Действительно: более тщательные наблюдения над так называемым языковым творчеством дитяти показали, что оно почти всецело определяется: 1) теми формами, в которых дитя знакомится с речью взрослых, и 2) несовершенным воспроизведением в речи дитяти всех звуков речи взрослых. Лишь очень небольшой запас слов дитя получает от взрослого именно как слова, как названия отдельных предметов или явлений. Большую же часть слов оно слышит от взрослого в сочетаниях, в фразах, из которых оно принуждено

выделять отдельные слова, и так как *нет никакой естественной связи между звуками слова и тем предметом, который оно обозначает*, то дитя может легко выделить не то сочетание звуков, которое существует в языке взрослых в соответствующем значении. Так, сынок проф. Погодина, обозначавший молоко (вместо «мо») звуками «ф-сь», заимствовал это слово из языка взрослых— из вопроса «вся?» (выпита ли вся бутылочка молока), который он слышал от матери или няни. Точно так же немецкий мальчик, обозначавший еду (вместо обычного «слова-лепета»—«рарр») звуками «fsch», очевидно, распространил на всякую еду слышанное от взрослых слово «рыба» («fisch»). К этому вопросу мы еще вернемся в другой связи, здесь же достаточно подчеркнуть, что большая часть «создаваемых» дитятей слов является результатом неверного выделения им звуковых комплексов из речи взрослых или приписывания им не тех значений, с которыми они существуют в речи взрослых; поскольку же взрослые идут обычно навстречу ребенку, утилизируя ошибочно высказанный им звуковой комплекс в качестве слова «его» языка, дитя утверждает в своем восприятии; и во многих семьях подобные слова продолжают существовать и в языке взрослых в качестве особых «семейных слов».

С другой стороны, как уже указывалось выше, к моменту начала говорения дитя располагает лишь очень немногими звуками. Именно здесь с поразительной ясностью выступает разница между звуком—естественным криком человека—и звуком *речи*—известным социальным фактом. В период лепета дитя бессознательно и свободно воспроизводит самые разнообразные бессмысленные звуки; к началу говорения оно пытается сознательно воспроизвести тот или иной звук (звуковой комплекс), данный в языке взрослых в качестве знака известного значения. И здесь произносительная способность дитяти сразу беднеет: произвольные движения органов речи, необходимые для воспроизведения этих звуков, усваиваются им лишь постепенно и с трудом. Так, еще до периода лепетания грудной младенец при сильном напряженном крике часто придает своим органам речи положение, необходимое для

произнесения комплекса «ла». Между тем велярный (твердый) звук «л», как звук речи, часто усваивается очень поздно и легко заменяется в речи ребенка мягким «й»—«мийи», «бий» (милый, бил).

Не будучи в состоянии воспроизвести всех звуков речи взрослых, дитя обычно заменяет трудные для него движения (звуки) более привычными и легкими; к числу таких типичных подмен носят, например, замена «р» и «л» твердого мягким «ль» «й», замена шипящих свистящими, а свистящих губным «ф», замена средненебных «к» и «г» зубными «т» и «д», упрощение групп согласных—«тул» вместо «стул», «пать» вместо «спать», ассимиляция (уподобление) и перестановка ближайших звуков одно слова, экономящие артикуляционные движения – «шаладка», «кададаш» и т. д.

Сюда относится, далее, сокращение слов («мо» вместо «молоко», «vat» вместо «elefant»), поскольку произносительная деятельность дитяти связана для него с огромными усилиями и побуждает его сводить к минимуму воспроизводимый звуковой материал. Путем такой подстановки дитя может до неузнаваемости изменить воспроизводимое им слово языка взрослых. И опять окружающая среда часто идет навстречу этому «языковому творчеству» дитяти, утверждая созданный им комплекс в качестве известного знака (слова) в *его* общении со взрослыми.

Если в процессе пополнения словаря «языковое творчество» дитяти всецело определяется окружающей его средой, то в усвоении им форм языка (грамматики) зависимость эта выступает особенно ясно. Действительно: слова—хотя и в небольшом количестве—даются дитяти в качестве отдельных названий; формы же языка усваиваются им исключительно из законченных фраз.

Первоначально грамматические формы языка остаются вообще за пределами языкового мышления. Дитя употребляет слово любой грамматической категории, заимствованное им в любой форме из языка окружающей среды, для выражения сложных комплексов переживаний. «Ручки» так же мало имя существительное в языке годовалого ребенка, как «тпруа» или «пать». Это—слова-воззвания, слова-предложения, выражающие сложные комплексы

эмоций и волнений. Более сложное высказывание достигается простой juxtapositio подобных слов - предложений, без всяких грамматических форм—«haim mimi», т.-е. «heim - milch» (домой—молоко) (наблюдения Прейера), «папа (с папой) оцу пать» (наблюдения Кожина). По наблюдениям Георгова, Прейера, Линднера, до полутора лет в языке ребенка не существует грамматических категорий.

Позднее грамматические различия начинают осознаваться, и по аналогии одних форм дитя начинает образовывать другие. Но, как мы знаем, каждый язык располагает на ряду с формами, которые можно признать для него типичными, «нормальными»,— рядом форм, представляющих значительные отклонения от этого типа. Дитя естественно усваивает раньше первые формы, особенно часто повторяющиеся в слышимых им фразах; и по сходству с ними оно образует новые формы—«папов», «бегёшь», «зажгита» (наблюдения Чуковского), «gehte», «gingte», «gangte» (наблюдения Эрнста), «mitgebracht», «mitgebrungen» (наблюдения Габеленца), «drunked», «boughted» (наблюдения О-Ши), «савов», «галков» (наблюдения Рыбникова)—правда, идущие в разрез с существующими в языке особенностями, но *представляющие расширение все тех же норм того же языка*¹).

Итак, «языковое творчество» дитяти раскрывается перед нами, как результат взаимодействия его и окружающего коллектива в различных стадиях усвоения им существующего в этом коллективе клика. И в каждой из этих стадий деятельность индивида сводится к усвоению и воспроизведению известного *надындивидуально* факта—связи известных чувственно воспринимаемых знаков (звуков) с известными значениями, связи, носящей не *естественный, природный, но условный, традиционный* характер.

---

¹ Так, в приведенных примерах из русского языка дитя распространяет типичную форму родительного падежа на *ов* за счет других форм, в примерах из немецкого и английского — типичную форму так назыв. слабых глаголов за счет более редких сильных глаголов и т. д.

Мы остановились подробнее на фактах «детского языка» потому, что правильное освещение этих фактов устраняет целый ряд других аргументов в пользу естественного, природного характера языка.

Так, то, что мы говорили относительно звукоподражаний в детском языке, вполне применимо и к так называемым звукоподражательным словам языка взрослых—типа «бум», «бух», «кукареку» и т. п. Пак и в словах-междометиях, мы имеем здесь дело не с естественным звуком, но с условным его отображением, по традиции усваиваемым индивидом от коллектива; и, как русский и японский рисунки, изображающие одну и ту же гору, являются все же совершенно различными рисунками, так и звукоподражательные слова, отражающие один и тот же естественный звук, совершенно различны в разных языках. Так, в русской сказке собачка лает «тяв-тяв», в немецкой—«bau-bau»; для русского уха утка крякает «кря-кря», для английского—«квак-квак», для датского «рап-рап», для французского «ка^н - ка^н». И много ли общего между нашим «бух» и немецким «pardautz», нашим «трах» и немецким «bums», якобы живописующими тот же шум от падения? Особенно ясно зависимость так называемых звукоподражательных слов от языка данного коллектива сказывается в народных поговорках и присловьях, шутливо толкующих различные крики и шумы. Для русского крестьянина перепел кричит: «подь полоть», для польского—он бранится: «пся крев»; петух в хорошую погоду кричит: «казаки едут», в дурную — «полтора рубля», но только в России; а в Англии он поет: «петушок дурачок» (cock-a-doodle-do).

Если и в наиболее явных звукоподражаниях связь звука со значением является чисто-условной, основанной на традиции коллектива, то что же сказать о так называемой «ономатопэтической» теории, согласно которой «речь человека и сознательно и бессознательно стремится звукописать явления, благозвучно группируя звуки», согласно которой в русском языке, например, «плавное «л» выявляет медлительность и плавность, рокочущее «р» в сопровождении иных согласных родит раскаты, трески, удары, а звук «т» символизирует преткновение, задержку».

В основе этой теории, к сожалению, все еще воскрешаемой в популярных работах по языку, лежит то же присущее наивному сознанию представление о естественной связи звука со значением, которое выражается и в признании «естественными», «человеческими» только звуков своего, родного языка. С другой стороны, поскольку речь идет о фактах речи поэтической и в частности о фактах так называемого «заумного языка», мы имеем в явлениях звукописи некоторый объективный факт—объективный в той мере, в какой он является достоянием известного языкового коллектива. К последней стороне вопроса мы еще вернемся в другой связи, здесь же достаточно напомнить, что полную несостоятельность оноματοпоэтической теории легко доказать не только на фактах различных языков, но и на фактах одного и того же языка, где комплекс одних и тех же звуков имеет совершенно различное значение. Из сопоставления того же звукового комплекса: «плыть, плавный, облако», — «плевать, блоха, блуд», — «гром, грохот, гроза», — «грязь, грамм, гроб, грош», нетрудно убедиться, что кажущаяся звукопись названных слов сводится к перенесению данного в них значения на внешнюю их сторону; что для человека, не знающего русского языка, слова «гром», «плыть», так же мало способны вызвать связанные с ними значения, как и всякое другое не «оноματοпоэтическое» слово того же языка; и что, следовательно, связь звука со значением в слове является не естественным результатом индивидуального переживания, но условной, данную извне индивиду традицией коллектива.

С другой стороны, наблюдения над развитием детской речи с поразительной ясностью раскрывают законы, управляющие речевой деятельностью индивида: в области звуковой стороны языка—изменения, обуславливаемые несовершенством произносительной деятельности (артикуляции) и подменой (субституцией) одних звуков другими; в области языковых форм—образование новых форм по сходству (аналогии, сорифмованию) их с другими; в области значений — сдвиги значений, вызываемые обычным восприятием слова в целом комплексе слов

(контексте). Но вместе с тем наблюдения эти показывают не менее убедительно, что вся речевая деятельность индивида протекает в рамках передаваемого ему коллективом языка; что новые формы, создаваемые языковым творчеством индивида, слагаются на материале и по образцам этого языка – традиционного достояния коллектива – и что, следовательно, язык – *не естественная биологическая функция человеческого организма, но традиционное культурное достояние коллектива.*

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Вопросы к тексту Р.О. Шор «Язык и общество».

1. Чем для нас являются такие понятия как «язык» и «речь»?
2. Отличен ли процесс освоения языка от процесса обучения ходьбе?
3. Чем обуславливается выбор индивидом того или иного языка?
4. В чем различие функций речи и ходьбы?
5. Что противоречит представлению о языке как чисто традиционной и условной системе знаков?
6. Что является подлинной основой языка?
7. Является ли «крик» указанием на эмоции или составной её частью?
8. В чем заключается различие слова и «крика»?
9. Что нужно, что бы понять слово?
10. Что нужно, что бы понять «крик»?
11. Можно ли назвать произвольные звуковые явления речью?
12. О чем свидетельствует развитие речи у ребенка?
13. Что такое «период лепетания»?
14. Как ребенок начинает выделять обозначения тех или иных предметов?
15. Является ли языковое творчество природным достоянием индивида?
16. Какое значение имеют звуки в «период лепетания»?
17. Как начинает говорить ребенок?
18. Что обозначает такое понятие как «язык нянек»?
19. Как происходит заимствование и изучение языка взрослых детьми?
20. Какие существуют особенности и различия между звуком и речью в разговоре ребенка?
21. Почему ребенок изменяет слова?

22. С чем связано сокращение слов у ребенка?
23. Назовите различие между «языковым творчеством» и формами языка?
24. Что характеризует первоначальные формы языка ребенка?
25. Как происходит усвоение первых форм языка и их развитие?
26. Почему звукоподражания в детском языке различны?
27. К чему стремиться ономапоэтическое явление?
28. Что показывают наблюдения над развитием детской речи?

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Словарь терминов к тексту Р.О. Шор «Язык и общество».

Агглютинация (лат. «склеивание») – образование грамматических форм и производных слов путем присоединения аффиксов к неизменяемой основе.

Аналитическая структура (аналитический строй) языка – структура языка, при которой отношения между словами выражаются не изменением самих слов, а последовательностью их, самостоятельными вспомогательными словами, интонацией. Аналитической структуре противоплагается синтетическая структура языка, при которой те же отношения выражаются изменением самих слов, их грамматическими формами.

Аналогия – введение к единообразию частично схожих форм слова путем дальнейшего их обобщения, т.-е. путем замены несхожих основ или аффиксов аффиксами или основами тождественными.

Артикуляция – работа органов речи, необходимая для производства определенного звука.

Ассимиляция (лат. «уподобление») – сближение соседящих в речи Первоначально отличных звуков благодаря влиянию одних артикуляционных движений на другие. Расхождение соседящих первоначально тождественных звуков в тех же условиях называется диссимиляция (лат. «разуподобление»).

Гипербола – стилистическая фигура преувеличения, обычно преувеличенного выражения какой-либо характерной для предмета черты.

Глоссолалия (греч. «говорение языками») – произнесение в состоянии экстаза бессмысленных звукосочетаний.

Интонация – ритмико-мелодические соотношения (соотношения высоты тона, силы, скорости) в речи, являющиеся выражением известных смысловых отношений.

Лексика – совокупность слов, входящих в состав языка или говора, словарь языка.

Лексема – слово, как самостоятельная смысловая единица, мыслимая, как единство, во всех своих грамматических формах.

Мелодика – совокупность музыкальных отношений (отношений высоты тона) в речи.

Метафора – употребление слова в переносном значении, в основе которого лежат ассоциация по сходству.

Метонимия – употребление слова в переносном значении, в основе которого лежит ассоциация по смежности.

Морфология (греч. «учение о формах») – отдел лингвистики, изучающий формы отдельного слова.

Народная этимология – ошибочное понимание этимологического состава слова, благодаря совпадению его звуковой формы (всей или части) с другими существующими в языке, но не связанными с ним искони, словами, и соответственное изменение его звуковой формы.

Оксюморон (греч. «острая глупость») – стилистическая фигура, заключающаяся в соединении двух взаимно исключаящих понятий.

Семантическая категория – смысловая категория, противопоставляемая категории грамматической.

Синекдоха – употребление слова в переносном смысле, в основе которого лежит отношение части к целому.

Синтагма – самостоятельная синтаксическая единица, каковой может быть как словосочетание, так и отдельное слово.

Тавтология – стилистическая неправильность, заключающаяся в повторении однозначных выражений.

Такт речевой – совокупность слогов, группирующихся вокруг ударного слога, образуя акустические единства, на которые распадается ритмически расчлененный звукоряд (фраза).

Фонема – звуковой тип, существующий в языковом сознании говорящих.

Фонетика – отдел языковедения, изучающий звуковой состав отдельных языков (описательная фонетика) и историю изменений этого звукового состава (историческая фонетика).

Список литературы.

1. Дж. Дж. Гамперц «Типы языковых обществ». www.philology.ru/linguistics1/gumperz-75.htm (Дата обращения 11.09.2011)
2. Дж. Дж. Гамперц «Об этнографическом аспекте языковых изменений» www.philology.ru/linguistics1/gumperz-75a.htm (Дата обращения 11.09.2011)
3. Шор Р.О. Язык и общество. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 33-43.

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского